

М. Л. Кисилиер

СПбГУ / Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия.
m.kisilier@spbu.ru, maxim@iling.spb.ru

О МЕСТОИМЕННОМ СИНТАКСИСЕ В ДИАЛЕКТАХ НОВОГРЕЧЕСКОГО ЯЗЫКА*

В последние десятилетия неозллинистов все более привлекают не только лексические и фонетические особенности новогреческих диалектов, но и вопросы (морфо)синтаксиса. В этой статье предпринимается попытка комплексного описания местоименного синтаксиса на материале шести локальных вариантов (= диалектов) новогреческого языка (северно-хиотского, цаконского, кипрского, греческого диалекта Южной Албании (Дропул), диалекта приазовских греков (малоянисольский субдиалект) и понтийского южной России и Абхазии), собранных во время экспедиций и индивидуальной работы с информантами в 2003–2023 гг.

В ходе исследования рассматриваются следующие аспекты местоименного синтаксиса: (а) принципы, регулирующие позицию местоименной клитики в рамках глагольной группы; (б) факторы, влияющие на взаимное положение нескольких местоименных клитик внутри глагольной группы; (в) местоименный повтор дополнения. В последнем случае речь идет не только о наличии самого явления, но и о возможных вариантах порядка его составляющих. Проведенный анализ демонстрирует, что каждая из описанных особенностей и в отдельности может быть использована как критерий для классификации новогреческих диалектов. Однако более перспективным представляется сопоставление особенностей местоименного синтаксиса в комплексе с привлечением, например, методов диалектометрического анализа, таких, как подсчет расстояния Хэмминга.

Ключевые слова: новогреческая диалектология, местоименный синтаксис, местоименная клитика, Закон Ваккернагеля, цепочка клитик, местоименный повтор дополнения.

---

* Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 22-48-09003 «Атлас балканского языкового ареала». Руководители А. Н. Соболев и Э. Адаму.

Maxim Kisilier

St. Petersburg State University / Institute for Linguistic Studies, RAS, St. Petersburg, Russia.
m.kisilier@spbu.ru, maxim@iling.spbu.ru

On pronominal syntax in Modern Greek dialects

(Morpho)syntactic peculiarities of Modern Greek dialects attract more and more researchers in the last decades. In this contribution, my goal is to perform a complex analysis of the pronominal syntax of 6 local varieties (= dialects) of Modern Greek: Northern Chiotic, Tsakonian, Cypriot, Greek of Southern Albania (Dropull), Azov Greek (the subdialect of Maloyanisol) and Pontic from Southern Russia and Abkhazia. The data used in the research is a result of the fieldwork of 2003–2023.

The analysis is focused on three phenomena: (a) regulations of the pronominal clitic position, (b) patterns of linearization of multiple clitic pronouns, (c) Clitic Doubling. The study of Clitic Doubling aims to find out whether the phenomenon exists in the dialect and describe all possible orders of its constituents. I believe that each of the three phenomena could be an interesting criterion for dialectal classification. However, it is more promising to compare pronominal syntax in complex, using, for example, the methods of dialectometric analysis, like the calculation of the Hamming distance.

Keywords: studies of Modern Greek dialects, pronominal syntax, clitic pronoun, Wackernagel's Law, linearization, clitic cluster, Clitic Doubling.

0. Введение

0.1. Классификация новогреческих диалектов и (морфо)синтаксические параметры

Большинство классификаций новогреческих диалектов базируется на фонетических или (в лучшем случае) отдельных морфологических признаках (см., напр., обсуждение вопроса в Kisilier 2013). Тем не менее, исследования, проводившиеся в течение последних десятилетий, очевидным образом показывают, что целый ряд особенностей (морфо)синтаксиса могут быть использованы для классификации, включая следующие параметры:

1. Позиция местоименных клитик (Condoravdi, Kiparsky 2002; Chatzikyriakidis 2011; также см. раздел 1 настоящей статьи).
2. Явление, известное, как **Clitic Climbing**, когда местоименное дополнение перестает быть клитикой при управляющем глаголе, а «уходит» к глагольной форме, от которой зависит вся глагольная группа. Эта особенность характерна для романских

языков (Pescarini 2021: 235–266) и проникла в греческие диалекты Южной Италии, в частности, в греканико¹ (1), где указанное явление носит обязательный характер (Chatzikyriakidis 2009).

- (1) *to=sótz-ume* *avorás-i*
 3SG.N.NGEN=мочь-PRS.1SG *купить.PFV.INF*²
 ‘можем это купить’ (Chatzikyriakidis 2009: 281)

3. Нейтральный порядок слов. Как показала Ирины Филиппаки-Варбуртон (Philippaki-Warburton 1985), для стандартного новогреческого нейтральным является VSO. Это справедливо и для ряда новогреческих диалектов, например, для кипрского, греческого диалекта из Дропула (Южная Албании), диалекта Северного Хиоса (2а). В других же диалектах — в частности, в цаконском, диалекте приазовских греков и в понтийском на территории бывшего СССР (2b) нейтральным, по-видимому, является SVO³.

- (2) а. диалект Северного Хиоса:
í-γraps-en *o* *Ján-is*
 PST-писать.PFV-PST.3SG DEF.M.NOM.SG Яннис-NOM
to *γráma-ø*
 DEF.N.NGEN.SG письмо-NGEN.SG
- б. понтийский:
o *Ján-is* *é-γraps-en* *γráma-n*
 DEF.M.NOM.SG Яннис-NOM PST-писать.PFV-PST.3SG письмо-NGEN.SG
 ‘Яннис написал письмо’⁴.

¹ Возможно, появление **Clitic Climbing** в греческих диалектах Южной Италии обусловлено тем, что в них, в отличие от остальных новогреческих диалектов, за исключением некоторых вариантов понтийского (Mackridge 1996; Sitaridou 2014), существует инфинитив, появившийся под влиянием итальянского. Интересно, что согласно Стергиосу Хадзикирьякидису (Chatzikyriakidis 2009: 281) в грико **Clitic Climbing** носит обязательный характер, а в итальянском — нет.

² Здесь и далее примеры глоссируются автором статьи согласно «Лейпцигским правилам глоссирования» (Comrie et al. 2015), согласно которым используются и сокращения. Во всех примерах глоссирование выполнено автором статьи.

³ Именно к такому выводу пришел автор статьи, анализируя в рамках упомянутого выше проекта «Атлас балканского языкового ареала» собранный им диалектный материал. Скорее всего, в понтийском и диалекте греков Приазовья SVO обусловлен влиянием русского языка, в котором именно этот порядок слов является нейтральным (ср. Zimmerling 2016).

⁴ Здесь и далее, если при примере нет библиографической ссылки, он был записан автором настоящей статьи в ходе полевых исследований.

0.2. О настоящем исследования

Важные для новогреческих диалектов классифицирующие параметры связаны и с местоименным синтаксисом. Здесь можно выделить две проблемы: (а) принципы, регулирующие позицию местоименных клитик⁵ в рамках глагольной группы и (б) местоименный повтор дополнения. Эти проблемы, несомненно, разные, однако они тесно связаны друг с другом. Кроме того, опыт некоторых предыдущих исследований (напр., Liosis 2017) продемонстрировал перспективность рассмотрения позиции местоименных клитик и местоименного повтора дополнения не автономно, а комплексно.

В настоящей статье будет предпринята попытка ответить на четыре вопроса на материале нескольких диалектов новогреческого языка (о них см. ниже в этом разделе):

1. Можно ли в новогреческих диалектах обнаружить отражение «правил», регулирующих позицию местоименной клитики (если да, то какие они, и годятся ли для использования в роли классифицирующего параметра)?
2. Существует ли в конкретном диалекте местоименный повтор дополнения?
3. Какие варианты порядка составляющих при местоименном повторе дополнения возможны и допустима ли группировка новогреческих диалектов по этому параметру?
4. Как обнаруженные варианты порядка составляющих при местоименном повторе дополнения соотносятся с принципами расстановки единичных местоименных клитик?

Легко заметить, что вопросы в большей степени формализованы и фактически не затрагивают коммуникативного или семантико-прагматического аспектов рассматриваемых явлений. Это обусловлено тем, что проанализированные материалы сильно варьируют от диалекта к диалекту. Некоторые были получены в ходе живой беседы на диалекте, другие же удалось обнаружить лишь благодаря специальному анкетированию, которое, к сожалению, не всегда позволяет в полной мере

Большинство из таких примеров, используемых в статье, включены в «Атлас языков балканского ареала» (Adamou et al. 2023).

⁵ В настоящей статье, в отличие от ряда работ (ср. Revithiadou, Spyropoulos 2008), местоименными клитиками называются слабые (безударные) формы личных местоимений в функции дополнения.

выяснить коммуникативную и семантико-прагматическую составляющую местоименного синтаксиса в новогреческих диалектах.

Материалом для исследования в первую очередь стали данные из шести диалектов новогреческого языка⁶ (северно-хитского, цаконского, кипрского, греческого диалекта Южной Албании (Дропул), диалекта приазовских греков⁷ (в первую очередь, субдиалекта села Малоянисоль) и понтийского на территории юга России и Абхазии⁸), собранные автором статьи

---

⁶ Неоэллинисты периодически поднимают вопрос о статусе того или иного диалекта, либо используя критерий взаимопонятности (Kontosopoulos 2001: 3), либо на основании тех изменений, которые в диалекте произошли (Janse 2002: 226), либо учитывая происхождение диалекта. Если использовать последний критерий, греческие диалекты Южной Италии, понтийский и цаконский трудно назвать диалектными вариантами новогреческого языка, поскольку они восходят к ионийским и дорийским диалектам древнегреческого языка (Dawkins 1931: 389; Drettas 1997: XXI; Joseph 2022: 62–66), при условии, что древнегреческий и новогреческий не рассматриваются как различные этапы единого языкового континуума (подробнее см., напр., Kisilier 2022b). Нередко и сами носители диалектов (особенно понтийского, реже цаконского и диалекта приазовских диалектов) предлагают считать свои диалекты языками, стремясь подчеркнуть «независимость» от стандартного новогреческого и повысить статус родного диалекта как внутри сообщества, так и в глазах внешнего наблюдателя. Автор настоящей статьи разделяет мнение британского неоэллиниста Питера Макриджа, полагавшего, что лингвист не может в полной мере отличить язык от диалекта (Mackridge 1991: 338). Поэтому в лингвистическом исследовании, если только речь не идет о подсчете количества языков в мире (Koguyakov 2017: 79–80), можно отказаться от противопоставления **язык vs. диалект** (Chambers, Trudgill 1998: 4–5; ср. Van Rooy 2020: 267–268) и рассматривать все существующие сегодня варианты греческого как диалекты новогреческого языка.

⁷ Называется также **румейским языком** вслед за самоназванием *ruméjka*.

⁸ В силу разных исторических обстоятельств, включая Малоазийскую катастрофу, носители понтийского диалекта оказались в разных концах мира. Наиболее значимые понтийские диаспоры сейчас находятся в Греции, Австралии, ряде стран бывшего СССР, включая Россию, и в Турции. Варианты понтийского диалекта из разных стран демонстрируют определенные особенности (Kisilier 2022c: 77), однако существующие различия практически неизучены.

и его коллегами в период между 2003 и 2023 гг. в ходе экспедиций или с использованием современных средств коммуникации и цифровых технологий⁹. Важно, что перечисленные диалекты представляют разные типы новогреческих диалектов (ср. Kontosopoulos 2001: XXIII), а некоторые из них длительное время существуют как анклавные (островные) диалекты, находясь в иноязычном окружении (греческий диалект Южной Албании из Дропула, понтийский и диалект приазовских греков). Цаконский вообще принято считать уникальным диалектом, напрямую восходящим к лаконскому варианту древнегреческого дорийского диалекта (подробнее см. Kisilier 2017; 2021 и приведенную в этих публикациях библиографию). Кроме того, для сопоставления, по возможности, привлекались материалы из лесбосского, каппадокийского и греканико (Южная Италия) в тех случаях, когда их источники представлялись достаточно надежными и содержали необходимые для проводимого исследования примеры.

Настоящая статья состоит из двух частей. В первой изучаются факторы, регулирующие позицию местоименной клитики внутри глагольной группы, а во второй анализируются особенности местоименного повтора дополнения. Вторая часть, в свою очередь, делится на два подраздела. Первый посвящен краткой характеристике местоименного повтора и определению наличия данного явления в анализируемых диалектах. Во втором подразделе анализируются варианты порядка составляющих при местоименном повторе дополнения.

1. Позиция местоименных клитик

Изучение местоименных клитик занимает одно из центральных мест в эллинистике. К настоящему времени в целом удалось проследить «эволюцию» местоименных клитик в греческом языке (Norrocks 1990: 138; 1991; Janse 2000; Pappas

---

⁹ Пользуясь случаем, автор хотел бы поблагодарить за помощь в сборе материалов и за консультации Аристотеля Спирос, Никоса Маврелоса, Андреаса Камериса, Паноса Марнериса, Михалиса Бакмакиса, Карину Авджян, Виктора Стофорандова и генерального консула республики Кипр в Санкт-Петербурге Кириякоса Пояджиса. Отдельная благодарность А. В. Циммерлингу за консультации по русской лингвистической терминологии.

2004)¹⁰ и сформулировать факторы, определявшие позицию клитик в предложении на разных этапах развития греческого языка (Rollo 1989; Mackridge 1993; Condoravdi, Kiparsky 2002; Kisilier 2011).

В стандартном новогреческом языке местоименные клитики можно считать **глагольными** или **специальными** в терминологии А. А. Зализняка (Zaliznyak 2004: 45), поскольку они всегда составляют единое фонетическое слово с управляющим глаголом, отделить от которого их может только другая местоименная клитика в рамках т. н. **цепочки клитик** (3).

- (3) а. **μου το 'πε**
mi=tó=pe
 1SG.GEN=3SG.N.NGEN=говорить.PFV-PST.3SG
 '[он/а] сказал/[а] мне это' (Pavlidou 2011)¹¹
- б. **πες το μου**
p-ész=to=mi
 говорить.PFV-IMP.2SG=3SG.N.NGEN=1SG.GEN
 'скажи это мне' (Pavlidou 2011)

Местоименная клитика находится в препозиции к личной форме глагола (3а) и следует за глаголами в повелительном наклонении (3б) или причастными/деепричастными формами (4).

- (4) **λέγοντάς σας**
léy-od'ás=sas
 говорить.IPFV-CVB=2PL.OBL
 '...говоря вам...' (Pavlidou 2011)

1.1. Существующая классификация

В новогреческих диалектах ситуация выглядит более разнообразно, чем в стандартном новогреческом, и с точки зрения принципов расположения местоименной клитики новогреческие диалекты можно разделить на три (Condoravdi, Kiparsky 2002) или даже четыре типа (Chatzikiyriakidis 2011: 17–18).

¹⁰ Монография Панайотиса Паппаса представляет собой переработанную версию его диссертации (Pappas 2001), некоторые положения которой критически анализируются в статье (Condoravdi, Kiparsky 2004).

¹¹ В (3а) имеет место афереза в глагольной форме после гласного внутри одного фонетического слова: **το είτε** /to=ípe/ > το 'πε /tó=pe/. Поэтому ударение с исчезнувшего у глагола гласного перешло на проклитику.

1.1.1. Тип 1 (новогреческий)

В диалектах, относимых к **типу 1**, местоименные клитики расставляются по тем же принципам, что и в стандартном новогреческом языке, то есть местоименная клитика предшествует личной форме глагола, но следует за императивом. В частности, этому правилу следуют греканико из Южной Италии (5) и на первый взгляд — греческий диалект Южной Албании (6) и цаконский (7).

- (5) греканико:
 а. *su=lé-o*
 2SG.GEN=говорить.IPFV-PPS.1SG
 ‘говорю тебе’ (Rohlf s 1977: 88)
 б. *pe-té-mmu*¹²
 говорить.PFV-IMP.2PL=1SG.GEN
 ‘Скажите мне’ (Rohlf s 1977: 88)
- (6) греческий диалект Южной Албании (Дропул):
 а. *mu=lé-j*
 1SG.GEN=говорить.IPFV-PRS.3SG
 ‘мне говорит’
 б. *p-éz=mu*
 говорить.PFV-IMP.2SG=1SG.GEN
 ‘скажи мне’
- (7) цаконский:
 а. *dⁿ=e-pé-k-a*
 2SG.OBL=PST-говорить.PFV-AOR.N2/3SG-AOR.1SG
 ‘сколько раз [мне] тебе говорить?’ (букв. ‘[я] тебе сказал’
 Kisilier 2021: 242)
 б. *ði-ø=mi*
 давать.SBJV-IMP.2SG=1SG.OBL
 ‘дай мне’ (Kisilier 2021: 242)

В цаконском презенс и имперфект образуются аналитически с помощью вспомогательного глагола ‘быть’ и причастия смыслового глагола (подробнее см. Kisilier 2016). Как свидетельствуют многочисленные примеры, в частности (8), при глаголь-

¹² В диалектах Южной Италии местоименные клитики традиционно пишутся слитно с формами императива.

ной форме в презенсе или в имперфекте клитика ставится перед вспомогательным глаголом.

- (8) *m=éni* *aresik^h-úmen-e*
 1SG.OBL=быть.PRS.3SG нравиться-PTCP.PASS-NF.SG
 ‘мне нравится’

Впрочем, как можно будет убедиться в разделах 1.2.1 и 1.2.2, и в греческом диалекте Южной Албании, и в цаконском ситуация не такая простая.

1.1.2. Тип 2 (византийский)¹³

В этих диалектах также возможны и постпозиция, и препозиция местоименной клитики, однако постпозицию можно считать базовым порядком (9а, 10а, 11а), а препозиция обусловлена т. н. «возмущающими» факторами из синтаксического или просодического окружения, стоящими перед управляющим глаголом — например, маркированным вопросительным местоимением (9б) или показателем будущего времени (10б, 11б) или сослагательного наклонения. К этому типу относятся каппадокийский (9), кипрский (10) и диалект приазовских греков (11).

- (9) каппадокийский:
 а. *каι λεγ το*
ke léγ-ø=to
 и говорить.IPFV-PRS.3SG=3SG.NF.NGEN
 ‘...и говорит ему’ (Karatsareas 2011: 104)
 б. *τι το=пik-es*
 что 3SG.NF.NGEN=делать.PFV-PST.2SG
 ‘что [же ты] ему сделал?’ (Janse 1998: 261)
- (10) кипрский:
 а. *lal-ø=su*
 говорить.IPFV-PRS.1SG=2SG.GEN
 ‘говорю тебе’
 б. *enna=su=p-ó* *ávrio*
 FUT=2SG.GEN=говорить.PFV-PRS.1SG завтра
 ‘скажу тебе завтра’
 в. *ída=m* *bu* *mu=é-ðok-es*
 что=быть.PRS.3SG который 1SG.GEN=PST-
 давать.PFV-PST.2SG
 ‘что [же такое] ты мне дал?’

¹³ Иначе диалекты с т. н. X^{max} клитиками (Condoravdi, Kiparsky 2002: 5f).

- (11) диалект приазовских греков:
- a. *é-kleps-is=mi*
 PST-красть.PFV-PST.2SG=1SG.OBL
 ‘[ты] украл меня’ (Kisilier 2022a: 9)
- b. *θα=ta=fáγ-u* *ávir*
 FUT-3PL=есть.PFV-PRS.1SG завтра
 ‘съем это завтра’ (Kisilier 2022a: 9)
- c. *irév-u na=se=fáγ-u*
 хотеть.IPFV-PRS.1SG SBJV=2SG.OBL=есть.PFV-PRS.1SG
 ‘хочу тебя съесть’ (Kisilier 2022b: 15)

Условно данную модель можно назвать «византийской», поскольку она начинает складываться в эпоху Позднего койне (IV–X вв.). В «Лавсаике» Палладия (20-е гг. V в.), эта система только еще формируется (12).

- (12) a. «Лавсаик» Палладия (20-е гг. V в.):
Ἰνα σε μή βαρέσω (*Laus.* 10.58–59)
ina=se *mi=varés-o*
 чтобы=2SG.ACC NEG=отягощать.AOR-PRS.1SG
- b. *ἴνα μή σε βαρέσω* (*Laus.* 10.61)
ina=mi=se *varés-o*
 чтобы=NEG=2SG.ACC отягощать.AOR-PRS.1SG
 ‘чтобы [мне] не быть тебе в тягость’
 (цит. по Palladio 1985)
- c. «Луг Духовный» Иоанна Мосха (нач. VII в.):
Τί σοι κακὸν ἐποίησα
tí=si *kak-ón* *e-pí-is-a*
 что.NGEN.SG=2SG.DAT плохой-N.NGEN.SG. PST-делать-AOR-AOR.1SG
 ‘что тебе плохого [я] сделала’ (Kisilier 2011: 137)
- d. *διὰ τοῦτο σοι λέγω*
ð'a=tút-o=si *léγ-o*
 из-за=этого.N-N.NOM/ACC.SG=2SG.DAT говорить.IPFV-PRS.1SG
 ‘... из-за этого говорю тебе’ (Kisilier 2011: 137)

В текстах позднего койне препозицию местоименной клитики вызывают фактически те же факторы, что и в диалектах, относящихся к **типу 2**: союз *ἴνα* (12a, b), позже превратившийся в частицу *na* (11c), и вопросительное местоимение ‘что’ (12c, ср. 9b, 10c). Впрочем, на этом начальном этапе местоименная клитика еще не является проклитикой и может «отрываться» от

управляющего глагола (12а, с). Местоименные проклитики появятся уже после XII в. (подробнее см. Mackridge 1993), и тогда в полной мере сформируются те принципы расстановки местоименных клитик, которые наблюдаются у диалектов, относимых к **типу 2**.

1.1.3. Тип 3 (понтийский)

К **типу 3** относят только один диалект — понтийский. В нем местоименная клитика никогда не оказывается перед управляющим ей глаголом¹⁴. Это можно проиллюстрировать примерами из разных субдиалектов понтийского (13).

(13) а. понтийский из Малой Азии:

ἀτὰ εἶχα νὰ ἐλεγα **τον**
at-á *ix-a* *na=é-leg-a=ton*
 этот-N.NGEN.PL иметь.PST-PST.1SG SBJV=PST-говорить.IPFV-PST.1SG
 =3SG.M.ACC
 ‘это [я] должен был сказать ему’ (Oikonomidis 1958: 236)

б. понтийский из Абхазии (Гварда/Линдава):

a=traγιδ-ó=se *én-an* *traγιδ-ø*
 FUT=петь.IPFV-PRS.1SG=2SG.ACC INDF.NF.SG-ACC.SG песня-SG
 ‘спою тебе песню’

с. понтийский из РФ (Ессентуки):

at-ós *θél-ø* *na=θam-éj=sen*
 3-SG.M.NOM хотеть=PRS.3SG SBJV=удивлять.PFV-PRS.3SG=2SG.ACC
 ‘он хочет удивить тебя’

Как наглядно демонстрируется в (13), во всех приведенных вариантах понтийского ни финитная форма глагола, ни модальная частица, выражающая будущее время или сослагательное наклонение, не приводят к препозиции местоименной клитики. Уместно предположить, что в понтийском сохранился некий «застывший» вариант Закона Ваккернагеля, действовавшего еще в древнегреческом и эллинистическом койне и предполагавшем, помимо всего прочего, что местоименная клитика либо занимает второе место в словосочетании (14b), либо может сдвигаться далее второй позиции, если перед словосочетанием оказывается т. н. **барьер** (подробнее см. Kisilier 2011: 102–121 и приводимую там библиографию), например, модальная частица *na* (13а, с) или *a* (13b). В понтийском, по сравнению с койне, Закон Ваккернагеля приобрел

¹⁴ Т. н. X⁰ клитика (Condoravdi, Kiparsky 2002: 18f).

свою специфику — ни при какой ситуации местоименная клитика не может оказаться проклитикой. Возможно, это свидетельствует о том, в понтийском, как и на ранних этапах развития эллинистического койне (ср. Dunn 1989), глагол стремится в начало глагольной группы и пускает вперед лишь те элементы, которые никак не могут быть энклитиками, в частности, модальные частицы и союзы.

У местоименных клитик в понтийском диалекте есть еще одна важная для данного исследования особенность — далеко не всегда можно определить, какая местоименная форма перед нами: сильная (ударная) или слабая (клитическая). Формально, казалось бы, такой проблемы быть не должно (см. табл. 1).

Табл. 1. Сильные и слабые местоимения в понтийском (Абхазия)
Table 1. Strong and weak pronouns in Pontic (Abkhazia)

	SG		PL	
	сильные	слабые	сильные	слабые
1	<i>eména</i>	<i>me(n)</i>	<i>emás</i>	<i>mas</i>
2	<i>eséna</i>	<i>se(n)</i>	<i>esás</i>	<i>sas</i>
3 (M/N/F)	<i>atón/atín/ató</i>	<i>ton/tin/to</i>	<i>atús/atés/atá</i>	<i>tus/tis/ta</i>

Тем не менее, не очень понятно, существует ли в понтийском функционально-семантическое противопоставление между этими формами, как, например, в стандартном новогреческом, где сильные формы маркированы, а слабые никогда не попадают непосредственно под действие эмпазы. Так, совсем не очевидно различие примеров в (14).

- (14) a. *emás* *vafítis-ane* *sin* *eglesí-a*
 1PL.OBL крестить.PFV-PST.3PL в.DEF.F.ACC.SG церковь-SG
- b. *vafítis-ane=mas* *sin* *eglesí-a*
 крестить.PFV-PST.3PL=1PL.OBL в.DEF.F.ACC.SG церковь-SG
 ‘нас крестили в церкви’

Информанты не смогли объяснить различия между (14a) и (14b) и настаивали на том, что они в целом равнозначны, т. е. складывается впечатление, что в понтийском наблюдается очевидная тенденция к исчезновению противопоставления сильных и слабых форм местоимений. Однако пока что все

местоименные дополнения, находящиеся перед управляющим глаголом (14а), по-видимому, стоит считать ударными.¹⁵

1.1.4. Тип 4 (эндоклитики)

Стергиос Хадзикирьякидис (Chatzikyriakidis 2011: 17–18) предлагает опционально добавить еще и **тип 4**, где представлена модель с т. н. **эндоклитикой**, т. е. инкорпорированием местоименной клитики внутрь глагола в форме императива, где клитика располагается между основой и окончанием. Согласно Хадзикирьякидису, эндоклитики встречаются в ряде северногреческих диалектов Фессалии и Македонии¹⁶. Ю. А. Лопашову удалось обнаружить пример с эндоклитикой (правда, единичный) в северногреческом субдиалекте села Эратира (15).

- (15) *lisi-me-ti*
развязывать.PFV-1SG.ACC-IMP.2PL
'развяжите меня' (Lopashov 2006: 162).

Видимо, эндоклитики вообще характерны для многих северногреческих диалектов. По крайней мере, они встречаются также и в лесбосском (16).

- (16) *ðó-mi-te=tu*
давать.PFV-1SG.ACC-IMP.2PL=3SG
'дайте мне это' (Ralli 2006: 148)

Появление эндоклитик следует интерпретировать как влияние со стороны албанского языка, где они фактически обязательны, причем как в стандартном языке (17), так и по диалектам.

- (17) *ndihmo-na-ni*
помогать-1PL.ACC-IMP.2PL
'помогите нам' (Buchholz, Fiedler 1987: 452)¹⁷.

¹⁵ По мнению Ф. А. Елоевой (Елоева 2004: 138), «препозиция местоимений <...> всегда связана с эмфатическим выделением».

¹⁶ Стергиос Хадзикирьякидис ссылается на недоступную автору настоящей статьи публикацию (Thavoris 1977), где, если верить Брайану Джозефу (Joseph 1990: 176), приведены три примера северногреческих диалектов Фессалии и Македонии.

¹⁷ Автор статьи благодарит А. Ю. Русакова за помощь в выборе и глоссировании албанского примера.

Интересно, что эндоклитики не встречаются в греческом диалекте Южной Албании из Дропула.

Строго говоря, данную модель можно считать своеобразным вариантом стандартной новогреческой (тип 1, раздел 1.1.1). При финитной форме глагола, местоименная форма находится в препозиции, а инкорпорирование местоименной клитики происходит только при императиве. Таким образом, эндоклитика — это тоже своего рода постпозиция, но не ко всей глагольной форме, а лишь к основе глагола.

1.2. Особые случаи

Собранный в рамках данного исследования материал свидетельствует о существовании и других принципов расстановки местоименных клитик. Во многих случаях (см. разделы 1.2.1 и 1.2.2) они сосуществуют с моделью, используемой стандартным новогреческим (тип 1, раздел 1.1.1). Скорее всего, это свидетельствует о сильном влиянии стандартного новогреческого на диалекты в области просодии и синтаксиса.

1.2.1. Интерпозиция местоименной клитики в плюсквамперфекте (тип 1*)

В новогреческом языке и его диалектах плюсквамперфект выражается аналитически. При наличии местоименной клитики в стандартном новогреческом и большинстве его диалектов она ставится перед вспомогательным глаголом (18).

- (18) стандартный новогреческий:
 μου είχε πει
tu=ix-e p-i
 1SG.GEN=иметь.PST-PST.3SG говорить.PFV-PRF
 ‘[он/а] мне сказал[а]’ (Pavlidou 2011)

Знаменитый греческий диалектолог Никос Кондосопулос обнаружил в северногреческом диалекте Козани (Западная Македония) примеры, когда местоименная клитика «разрывает» аналитическую форму плюсквамперфекта и оказывается между вспомогательным и смысловым глаголами (19).

- (19) είχ-αν μας μάθ-^{·[=j]}
ix-an mas=máθ^j
 иметь.PST-PST.3PL 1PL.OBL=учить.PFV-PRF
 ‘[они] нас научили’ (Kontosopoulos 2001: 101)

Похожие примеры можно найти и в греческом диалекте Южной Албании из Дропула (20).

- (20) *ix-e* *to=fá-s*
 иметь.PST-PST.3SG 3SG.N.NGEN=есть.PFV-PST.2SG
 ‘[ты] это съел’¹⁸

Греческие диалекты Южной Албании примыкают к северногреческой диалектной зоне и продолжают ее (ср. Spiro 2014: 397), поэтому есть основания предполагать, что интерпозиция местоименной клитики в формах плюсквамперфекта вообще свойственна северногреческим континентальным диалектам. Однако данная гипотеза требует проверки.

Интерпозицию местоименной клитики в плюсквамперфекте можно рассматривать как девиацию от стандартной новогреческой модели (тип 1, раздел 1.1.1). По сути, это препозиция слабой формы местоимения к смысловому глаголу. Данная интерпретация представляется особенно логичной для примеров из греческого диалекта Южной Албании из Дропула (20), где спрягается именно финитный глагол (см. сн. 18) перед которым и оказывается местоименная клитика.

1.2.2. Цаконский (тип 5)

В современном цаконском диалекте местоименные клитики в большинстве случаев располагаются по тем же принципам, что и в стандартном новогреческом (7). Однако иногда наблюдаются существенные отличия. Во-первых, в нем встречаются единичные примеры интерпозиции местоименной клитики в презенсе, при которой местоимение оказывается между смысловым и вспомогательным глаголом (21a, ср. 8), и постопозиции местоименной клитики к форме аориста (21b).

- (21) a. *aresik^h-úmen-a* *m=íni* *ta* *má-va*
 нравиться-PTCP.PASS-N.PL 1SG.OBL=BE.PRS.3PL DEF.N.PL яблоко-PL
 ‘[мне] нравятся яблоки’
- b. *e-ná-ts-eré=ni*
 PST-слышать.PFV-AOR-2/3SG-2SG=3SG.OBL
 ‘[ты] это слышал?’

¹⁸ В (20) наблюдается яркая морфологическая особенность греческого диалекта Южной Албании из Дропула: в отличие от стандартного новогреческого, в формах плюсквамперфекта вспомогательный глагол не изменяется, а флексии добавляются к смысловому глаголу.

- ‘[я] бы увидел это’¹⁹
- c. *to= mú=x-is* *đók-i*
3SG.N.NGEN=1SG.GEN=иметь.PRS-PRS.2SG давать.PFV-PRF
- d. *tó=x-is* *mu=đók-i*
3SG.N.NGEN=иметь.PRS-PRS.2SG 1SG.GEN=давать.PFV-P
- e. *mú=x-is* *to=đók-i*
1SG.GEN=иметь.PRS-PRS.2SG 3SG.N.NGEN=давать.PFV-PRF
- f. *tó=x-is* *đók-i=mu*
3SG.N.NGEN=иметь.PRS-PRS.2SG давать.PFV-PRF=1SG.GEN
- g. *x-is=to=mu=đók-i*
иметь.PRS-PRS.2SG=3SG.N.NGEN=1SG.GEN=давать.PFV-PRF
- h. *x-is=mu=to=đók-i*
иметь.PRS-PRS.2SG=1SG.GEN=3SG.N.NGEN=давать.PFV-PRF
- i. *mú=x-is* *đók-i=to*
1SG.GEN=иметь.PRS-PRS.2SG давать.PFV-PRF=3SG.N.NGEN
- j. *x-is=đók-i=mu=to*
иметь.PRS-PRS.2SG=давать.PFV-PRF=1SG.GEN=3SG.N.NGEN
- k. *x-is=đók-i=to=mu*
иметь.PRS-PRS.2SG=давать.PFV-PRF=3SG.N.NGEN=1SG.GEN
‘[ты] мне это дал’

1.3. Интерпретация

Описанные в разделах 1.1 и 1.2 модели расстановки местоименных клитик, несмотря на кажущуюся пестроту, отнюдь не произвольны, а укладываются в четкую систему. Каждая модель связана с определенным ключевым этапом диахронического развития местоименного синтаксиса от древнегреческого состояния до сегодняшнего дня.²⁰ Так, в понтийском диалекте (**тип 3**, раздел 1.1.3) обнаруживаются синтактико-просодические особенности, характерные для ранних этапов эллинистического койне, и есть основания утверждать, что в их основе лежит Закон Ваккернагеля.

В каппадокийском, кипрском и диалекте приазовских греков (= рум.; **тип 2**, раздел 1.1.2) находит отражение ситуация, характерная для византийской (= ранненовогреческой) «народной» поэзии. Цаконский диалект (**тип 5**, раздел 1.2.2) в области местоименного синтаксиса крайне близок к «новогреческой» модели, при том, что в определенных ситуациях в нем «включаются» архаические правила (Закон Ваккернагеля).

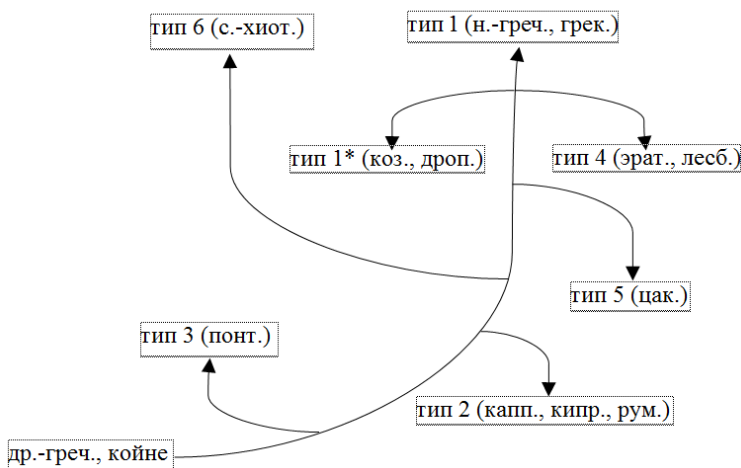
¹⁹ В форме *évlepa* после частицы *a* исчез аугмент *é-*, и ударение с него переместилось на частицу.

²⁰ Интересно, что типологически схожая ситуация наблюдается в некоторых славянских языках на Балканах (Alexander 1994: 2–3).

Наконец, в качестве двух разных направлений развития «новогреческой» модели можно рассматривать примеры из нескольких северногреческих диалектов — Эратире и Лесбоса (тип 4, раздел 1.1.4), и Козани и Дропула (тип 1*, раздел 1.2.1).

Наиболее сложным для интерпретации оказывается диалект Северного Хиоса (тип 6, раздел 1.2.3), где порядок расстановки местоименных клитик совершенно свободный. Отсутствие доступных материалов по истории хиотского диалекта, к сожалению, не позволяет выйти за рамки гипотез, и можно лишь предположить, что местоименный синтаксис северохиотского диалекта демонстрирует либо вариант, параллельный «новогреческому» типу (тип 1, раздел 1.1.1), либо его дальнейшее развитие. Принципы расположения местоименных клитик по диалектам с точки зрения исторического развития греческого языка можно представить в виде схемы (см. рис. 1).

Рис. 1. Местоименные клитики в новогреческих диалектах
Fig. 1. Clitic pronouns in Modern Greek dialects

1.4. Порядок компонентов в цепочке клитик

В разделе 1.2.3, где приведены данные из диалекта Северного Хиоса, можно было заметить, что при глаголе иногда оказывается не одна, а две местоименные клитики, выражающие прямое и косвенное дополнения. Естественно, подобное характерно для всех новогреческих диалектов. В новогреческом языке и во всех его локальных вариантах существует запрет на

сосуществование в одной синтагме местоименных клитик 1 и 2 л. (ср. Ralli 2006: 146). Иными словами, примеры типа (25) невозможны.

- (25) стандартный новогреческий:
- a. ***μου σε** δίνει
 **mu=se=δίν-ι*
 1SG.GEN=2SG.ACC=давать.IPFV.PRS.3SG
 ‘мне тебя дает’
- b. ***σου με** δίνει
 **su=me=δίν-ι*
 2SG.GEN=2SG.ACC=давать.IPFV.PRS.3SG
 ‘тебе меня дает’

Примеры (24с–к) демонстрируют, что местоименные клитики могут занимать разные позиции друг относительно друга. Так, они либо оказываются контактно, формируя т. н. **цепочку клитик**, внутри которой прямое дополнение может как следовать за косвенным (см. раздел 1.4.1), так и предшествовать ему (см. раздел 1.4.2), либо разрываются глагольной формой (см. раздел 1.4.3).

Важно отметить, что в связи с отсутствием в новогреческом языке и его диалектах дательного падежа, местоименная клитика в функции косвенного дополнения ставится в генитиве. Однако ряд диалектов новогреческого языка демонстрируют тенденцию к утрате родительного падежа (ср. Mertyris 2014; Mertyris, Kisilier 2017; Kisilier, Mertyris 2018). Поэтому в некоторых случаях (в лесбосском, цаконском, каппадокийском, диалекте приазовских греков и понтийском) косвенное и прямое местоименные дополнения различимы лишь функционально.

1.4.1. Порядок «косвенное — прямое»

Порядок компонентов местоименных дополнений «косвенное — прямое» представляется наиболее частотным (26).

- (26) a. стандартный новогреческий:
μου το ‘те
mu=tó=p-e
 1SG.GEN=3SG.N.NGEN=говорить.PFV-PST.3SG
 ‘[он/а] мне это сказал[а]’ (Pavlidou 2011)

- b. лесбосский:
ðó-ø=mi=tu
 давать.PFV-IMP.2SG=1SG.ACC=3SG
 ‘дай мне это’ (Ralli 2006: 147)
- c. цаконский:
ði-te=mi=ni
 давать.SBJV.PFV-IMP.2PL=1SG.OBL=3SG.OBL
 ‘дайте мне это’
- d. кипрский:
é-ðok-a=su=to
 PST-давать.PFV-PST.1SG=2SG.GEN=3SG.N.NGEN
 ‘[я] дал тебе это’
- e. греческий диалект Южной Албании (Дропул):
nó=mu=to
 давать.IMP.2SG=1SG.GEN=3SG.N.NGEN
 ‘дай мне это’
- f. каппадокийский:
í-far-a=sis=ta
 PST-нести.PFV-PST.1SG=2PL.OBL=3PL
 ‘[я] принес вам их’ (Janse 1998: 268)
- g. диалект приазовских греков:
ðíxn-u=sas=tu
 показывать.IPFV-PRS.1SG=2PL.OBL=3SG.NF
 ‘[я] вам это показываю’ (Kisilier 2009: 381)
- h. греканико:
ðe=su=tá=p-a
 NEG=2SG.GEN=3PL.N=говорить.PFV-PST.1SG
 ‘[я] тебе этого не сказал’ (Rohlf 1977: 189)

Как можно было убедиться из примеров (24с, g, k), такой порядок встречается и в северохиотском диалекте.

Более сложная ситуация наблюдается в понтийском диалекте из Южной России (27).

- (27) *p-ej=m* *at-ó*
 говорить.PFV-IMP.2SG=1SG.OBL3-SG.N.NGEN
 ‘скажи мне это’

С одной стороны, в (27) имеются два контактно расположенных местоименных дополнения, и косвенное предшествует прямому. С другой же стороны, *m ató*, скорее всего, не является цепочкой клитик, поскольку *ató* больше похоже на сильную (ударную) форму местоимения, нежели на слабую. Пока не

вполне ясно, допустимы ли в понтийском «полноценные» цепочки местоименных клитик.

1.4.2. Порядок «прямое — косвенное»

Случаи, когда в цепочке местоименных клитик прямое дополнение предшествует косвенному, встречаются реже (28).

- (28) а. стандартный новогреческий:
 πες **το μου**
p-éz=to=mu
 говорить.PFV-IMP.2SG=3SG.N.NGEN=1SG.GEN
 ‘скажи это мне’ (Pavlidou 2011)
- б. цаконский:
o=ni=m=e-ðúts-ere *s=eníu*
 NEG=3SG.OBL=1SG.OBL=PST-давать.PFV.2/3SG-2SG v=1SG.OBL
 ‘[ты] это мне не дал’ (Kisilier 2021: 241)
- в. греческий диалект Южной Албании (Дропул):
p-éz=to=mu
 говорить.PFV-IMP.2SG=3SG.N.NGEN=1SG.GEN
 ‘скажи это мне’
- г. каппадокийский:
í-far-es=ta=mas
 PST-нести.PFV-PST.2SG=3PL=1PL.OBL
 ‘[ты] принес их нам’ (Janse 1998: 268)

Кроме того, данный порядок компонентов цепочки местоименных клитик зафиксирован в северохиотском (24h, j).

1.4.3. Разрыв цепочки местоименных клитик

В северохиотском диалекте возможен разрыв цепочки местоименных клитик, при котором одно местоименное дополнение ставится перед глагольной формой, а другое — после. При этом впереди может стоять как косвенное дополнение (24e, i), так и прямое (24d, f).

1.4.4. Цепочка местоименных клитик как классифицирующий параметр

Итак, настало время подвести итог и посмотреть, возможна ли классификация диалектов с точки зрения цепочки местоименных клитик. Полученные результаты представлены в табл. 2.

Из табл. 2 хорошо видно, что есть диалекты, где допустим лишь один порядок составляющих в цепочке местоименных

клитик, при котором косвенное дополнение предшествует прямому: лесбосский, кипрский, диалект приазовских греков и греканико — **тип 1**. Нет ни одного диалекта, в котором был бы возможен только порядок «прямое дополнение — косвенное дополнение». При этом в целом ряде диалектов возможны оба порядка составляющих. Ангелики Ралли указывает, что порядок «косвенное дополнение — прямое дополнение» является базовым, однако существует правило, согласно которому они могут меняться местами при односложных императивах (Ralli 2006: 146). Действительно, именно это можно наблюдать в стандартном новогреческом (28a) и греческом диалекте Южной Албании из Дропула (28c) — **тип 2a**.

Табл. 2. Местоименная цепочка клитик в диалектах
Table 2. Pronominal clitic clusters in the dialects

языковой вариант	порядок		
	косв. — прям.	прям. — косв.	разрыв
новогреческий	+	+	—
лесбосский	+	—	—
севернохиотский	+	+	+
цаконский	+	+	—
кипрский	+	—	—
Южной Албании	+	+	—
каппадокийский	+	+	—
приазовских греков	+	—	—
понтийский	?	—	—
греканико	+	—	—

Однако ни в севернохиотском (24h, j), ни в цаконском (28b), ни в каппадокийском (28d) изменение порядка составляющих цепочки местоименных клитик никак не связано с императивом. Уместно предположить, что порядок «прямое дополнение — косвенное дополнение», не связанный с императивом, появляется в тех диалектах, где нет формального противопоставления прямого и косвенного дополнений — в цаконском и каппадокийском. В этих диалектах, поскольку дополнения различаются лишь на семантическом уровне, они оказываются одного уровня и могут ставиться, как угодно — **тип 2b**.

Принципиально иная ситуация в севернохиотском, где прямое и косвенное местоименные дополнения легко различимы формально, однако отсутствие каких-либо ограничений на расстановку местоименных клитик в глагольной группе (см.

раздел 1.2;3) приводит к тому, что и в цепочке клитик нет определенного порядка расстановки составляющих и даже возможен разрыв самой цепочки — **тип 3**.

Важно отметить, что во всех обследуемых диалектах, кроме диалекта приазовских греков, цепочка местоименных клитик ставится внутри глагольной группы по тем же принципам, что и одиночная местоименная клитика (см. разделы 1.1 и 1.2). В диалекте приазовских греков, где одиночная клитика при отсутствии «возмущающих» факторов должна следовать за управляющим глаголом (см. раздел 1.1.2), цепочка клитик иногда оказывается перед глагольной формой (29).

- (29) *sas=tu=léy-u* *ruméjka*
 2PL.OBL=3SG.NF=говорить.IPFV-PRS.1SG диалект
 ‘вам это говорю на диалекте приазовских греков’
 (Kisilier 2009: 389)

Пример (29) можно считать исключением (ср. 26g), вызванным тем, что в нем присутствует устойчивое выражение *léyu ruméjka*, компоненты которого нельзя разорвать (29’a). Отделить цепочку местоименных клитик от глагола и поставить их после *ruméjka* (29’b) также не представляется возможным, потому что в таком случае местоимения, входящие в цепочку клитик, перестанут быть клитиками при глаголе.

- (29’) a. **léy-u=sas=tu* *ruméjka*
 говорить.IPFV-PRS.1SG=2PL.OBL=3SG.NF диалект
 b. **léy-u* *ruméjka=sas=tu*
 говорить.IPFV-PRS.1SG диалект=2PL.OBL=3SG.NF

В итоге, остается единственная возможная позиция для цепочки местоименных клитик — в препозиции к глаголу (29).

2. Местоименный повтор дополнения

Местоименный повтор дополнения — это явление, при котором местоименная клитика дублирует именную группу, выступающую в функции дополнения, согласуясь с ней в роде, числе и падеже (30).

- (30) стандартный новогреческий:
Τον εἶδες τον άντρα της;
ton=ið-es *ton* *ádⁿr-a=tis*
 3SG.M.ACC=видеть.PFV-PST.2SG DEF.M.ACC.SG муж-OBL.SG=POSS.3SG.F
 ‘[ты] увидел ее мужа?’ (Arkhangelskiy, Kisilier 2015)

Местоименный повтор дополнения характерен для значительного числа языков и диалектов Балканского языкового союза,²¹ а также за пределами Балкан (Arkadiev 2010), в частности, для романских языков (31).

- (31) риоплатский испанский:
lo=vi-mos *a* **Juan**
 3SG.M.OBL=видеть.IPFV.PST-1PL в **Хуан**
 ‘[мы] видели Хуана’ (Jaeggli 1986: 32)

Обычно балканизмы принято рассматривать в перспективе языковых контактов (ср. Miseška Tomić 2008),²² и местоименный повтор дополнения в целом демонстрирует определенные контактно-обусловленные черты, в том числе и в новогреческом (см., напр., Friedman 2008: 41–51).²³ Это, впрочем, не значит, что само явление было заимствовано в новогреческий из других балканских языков: примеры дублирования местоименного дополнения обнаруживаются еще у Гомера (32).

- (32) ...ἵνα μιν παύσειε πόνοιο
ἴνα **Ἀχιλλῆα**...
ḥina=ḥin *paús-eie* *pón-oio*
 чтобы=3SG.NN.ACC прекращать-AOR-OPT.3SG страдание-GEN.SG
dī-on **Ak^hillē:-a**
 божественный-М.ACC.SG Ахиллес-ACC
 ‘...чтобы обуздать горе божественного Ахиллеса’ (Hom. II. XXI. 249–250)²⁴

²¹ Одним из первых это продемонстрировал еще Ю. А. Лопашов (Lopashov 1978). Согласно данным «Атласа балканского языкового ареала» (Adamou et al. 2023), из 59 учтенных в нем языковых вариантов явление характерно для 39 — это языковые варианты албанского, новогреческого и романских языков, включая арумунский и корфиотский итальянский, а также большинство славянских диалектов.

²² Напротив, особенности балканских языков, не обусловленные языковыми контактами, можно назвать «антибалканизмами» (ср. Sobolev 2011).

²³ Интересно отметить, что Кристиан Зандфельд не относит местоименный повтор дополнения к балканизмам (Sandfeld 1930: 191).

²⁴ Цит. по (Janse 2008: 185). Подробнее о редупликации дополнения местоимением в древнегреческом, помимо данной работы, см. также (de Boel 2008).

В разных балканских языках местоименный повтор дополнения обладает различной степенью обязательности²⁵ и демонстрирует свои семантические особенности (ср. Kallulli, Tasmowski 2008: 10–20).

2.1. Наличие местоименного повтора дополнения в новогреческих диалектах

На первый взгляд ответ на вопрос о существовании местоименного повтора дополнения в том или ином диалекте относительно прост: надо найти соответствующие примеры, и тогда можно однозначно постулировать наличие рассматриваемого явления. Немного сложнее выглядит ситуация, если примеры не обнаруживаются. Это может свидетельствовать как об отсутствии местоименного повтора, так и о невезении/некомпетенции собирателя, не сумевшего найти в речи информантов искомую конструкцию. Забегая вперед, можно отметить, что в том или ином виде дополнение дублируется местоимением во всех рассматриваемых в статье диалектах (см. многочисленные примеры ниже) и тема для обсуждения кажется исчерпанной. Тем не менее, во многих языках, где нет местоименного повтора как синтаксического явления, возможно дублирование дополнения местоимением под влиянием разных коммуникативных факторов (33).

- (33) а. русский:
*я вижу его... **Ивана***
- б. английский:
*I saw **him**... **this man***
 ‘[я] видел его... этого человека’

Возникает вопрос: как отличить примеры дублирования типа (6) от местоименного повтора дополнения? В языках типа русского или английского нет противопоставления слабых и сильных местоименных форм на морфологическом уровне. В связи с этим можно предложить следующий формальный критерий: если в языке *x* возможен местоименный повтор дополнения, в нем обязательно есть примеры, когда сильная форма местоимения дублируется слабой (34).

²⁵ Например, в албанском он обязателен при дополнении в косвенном падеже, а в новогреческом — всегда факультативен.

- (34) стандартный новогреческий:
εσένα σε βολεύει;
eséna se=volév-i
 2SG.OBL 2SG.ACC=годиться.IPFV-PRS.3SG
 ‘тебе подходит?’ (Pavlidou 2011)

2.1.1. Стандартные случаи

Примеры типа (34) с разной частотностью фиксируются и в обследуемых в этой статье диалектах (35).

- (35) a. северохиотский:
mú=p-es **eména**
 1SG.GEN=говорить.PFV-PST.2SG 1SG.OBL
 ‘[ты] мне сказал’
- b. цаконский:
o=ni=m=eđúts-ere *s=eníu*
 NEG=3SG.OBL=1SG.OBL=PST-давать.PFV.2/3SG-2SG v=1SG.OBL
 ‘[ты] мне этого не дал’ (Kisilier 2021: 241)
- c. кипрский:
eséna *θor-ó=se*
 2SG.OBL видеть.IPFV-PRS.1SG=2SG.ACC
 ‘тебя вижу’
- d. греческий диалект Южной Албании:
tus=γλέp-o **aft-unús**
 3PL.M.ACC=видеть.IPFV-PRS.1SG 3-PL.M.ACC
 ‘их вижу’
- e. диалект приазовских греков:
at-ós **ména** *tfi=ksér^j=mi*
 3-SG.M.NOM 1SG.OBL NEG=знать-PRS.3SG=1SG.OBL
 ‘он меня не знает’ (Borisova 2009: 398)
- f. понтийский:
esén *elép-o=sen*
 2SG.OBL видеть.IPFV-PRS.1SG=2SG.ACC
 ‘тебя-то вижу’

2.1.2. Особые случаи

Особые случаи, когда дублирующая и дублируемая формы выражены клитиками, встречаются в диалекте приазовских греков и цаконском (36).

- (36) a. диалект приазовских греков:
sís **mas=meýáln-it=mas**
 2PL.NOM 1PL.OBL=растить.IPFV-PST.2PL=1PL.OBL
 ‘вы нас вырастили’ (Borisova 2009: 401)

в. цаконский:

n=e-pé-k-a=ni

nímu

3SG.OBL=PST-говорить.PFV-AOR.N2/3SG-AOR.1SG=3SG.OBL 2PL.OBL
 ‘сколько раз надо вам говорить’ (букв. ‘это [я] вам
 сказал’ Kisilier 2021: 242)

Можно предположить, что в диалекте приазовских греков (36а) проявляется архаическая особенность, восходящая к ионийско-аттическому диалекту древнегреческого языка, где у местоимений 1 и 2 л. мн. ч. не было слабых форм, Клитические формы местоимений 1 и 2 л. мн. ч. стали развиваться лишь в эпоху койне (ср. Kisiiler 2011: 163–178) и фиксируются не ранее X в. (Holton et al. 2019: 884 f). Вполне вероятно, что это развитие шло неодинаково в разных частях грекоязычного мира, и в некоторых диалектах, в частности, в диалекте приазовских греков, оппозиция между сильными и слабыми формами местоимений множественного числа не развилась в полной мере на морфологическом уровне.

В цаконском диалекте (36b) наблюдается отчасти противоположная ситуация. В древнегреческом дорийском диалекте (и соответственно в его лаконском варианте) не существовали неклитические формы для местоимения 3 л. ед. ч. (Striano Corrochano 1989: 217), а была лишь клитика *viv* /*nin*/, сохранившаяся и в цаконском. Хотя в современном цаконском уже есть ударные местоимения 3 л. ед. ч., употребляются они значительно реже, чем соответствующие клитики, и, как видно из (36b), даже при местоименном повторе дополнения могут быть заменены более привычной клитикой. Впрочем, определить, насколько неслучайны подобные примеры, крайне затруднительно, поскольку (36b) единственный цаконский пример, полученный из спонтанной речи, где дублируемым дополнением оказывается местоимения 3 л.

При местоименном повторе дополнения цаконский диалект демонстрирует еще одну более яркую особенность: дополнения, выраженные местоимениями 1 и 2 л. мн. ч., дублируются местоименными клитиками 1 и 2 л. ед. ч (37).

(37) а. *m=or-ák-ate*

námu

1SG.OBL=видеть=AOR.N2/3SG-AOR.2PL 1PL.OBL
 ‘[вы] увидели нас’

- b. $\acute{e}t^h e$ $\theta\acute{e}-d^m e$
 быть.PRS.2PL хотеть-PTCP.NN.PL
 $na=d^m i=\delta-u$ $n\acute{a}t\mu$
 SBJV=2SG.OBL=давать.PFV-SBJV.1SG 2PL.OBL
 ‘хотите, чтобы [я] вам [это] дал?’ (Kisilier 2021: 241)

На эту особенность цаконского диалекта исследователи уже относительно давно обратили внимание (ср., напр., Joseph 1990: 177), однако первую более или менее последовательную интерпретацию предложил Никос Лиосис (Liosis 2017: 63 f). По его мнению, такие случаи, как (37) демонстрируют т. н. **третий этап образования** местоименных клитик 1 и 2 л. мн. ч., поскольку есть примеры, иллюстрирующие предыдущие этапы данного процесса. В (38), где и дублирующее, и дублируемое местоимения — 1 л. мн. ч., Лиосис предлагает рассматривать форму *nam* в качестве **первого этапа** превращения местоимения в клитику.

- (38) $\acute{e}\gamma\kappa\epsilon\iota'$ $\tau\omicron'$ $\acute{e}\gamma\kappa\epsilon\iota'$ $v\acute{a}\mu'$ $\epsilon\mu\lambda\omicron\iota\kappa\alpha\iota$ $v\acute{a}\mu\omicron\upsilon$
 $\acute{e}\eta\iota$ $ts=\acute{e}\eta\iota$ $nam=e-b^m i-k-ai$ $n\acute{a}t\mu$
 это и=это 1PL.OBL=PST-делать.PFV-AOR.N2/3SG-AOR.3PL 1PL.OBL
 ‘[и] то, и то [они] нам сделали’ (Costakis 1987: 394)

На это, в частности, по мнению Лиосиса, указывают апокопа /-u/ (*n\acute{a}t\mu* > *nam*) и крайняя редкость подобных примеров.

На **втором этапе**, как считает Лиосис, форма *n\acute{a}t\mu* превращается в *ti* и в большей степени начинает походить на местоименную клитику (39).

- (39) $\theta\alpha=m\acute{o}l-oi$ $na=\mu u=f\acute{a}-ne$
 FUT=приходить.SBJV.PFV-SBJV.3PL SBJV=1PL.OBL=есть.PFV-SBJV.3PL
 $n\acute{a}t\mu$
 1PL.OBL
 ‘[они] придут, чтобы нас съесть’ (Liosis 2017: 64)

В (39) клитика *ti* еще является показателем множественного числа: слабое местоимение 1 л. ед. ч. — *mi* (ср. 7б, 22а, 23, 26с.)

И, наконец, на **третьем этапе**, согласно предположению Лиосиса, у клитики *ti* отпадает /-u/, и носители цаконского диалекта ассоциируют форму *t* с *mi* (ср. 37а). Очевидно, с точки зрения Лиосиса, в случаях с 2 л. мн. ч. (37б) сработала аналогия с 1 л.

Для обсуждаемой особенности можно предложить и другое объяснение. В современном цаконском различие между сильными и слабыми формами местоимений 1 и 2 л. мн. ч. вполне очевидно (см. табл. 3).

Табл. 3. Цаконские местоимения 1 и 2 л. мн. ч. в косвенных падежах (Kisilier 2023: 351)

Table 3. Tsakonian pronouns 1 and 2 plural in oblique (Kisilier 2023: 351)

	сильные	слабые
1 мн. ч.	<i>náti</i>	<i>nat</i>
2 мн. ч.	<i>níti</i>	<i>nit</i>

Однако пример (40) демонстрирует, как это выглядит в «живой» речи носителей диалекта.

- (40) a. *nit*=*or-ák-ame*
2PL.OBL=видеть-AOR.N2/3SG-AOR.1PL
- b. *or-ák-ame* *níti*
видеть-AOR.N2/3SG-AOR.1PL 2PL.OBL
‘[мы] вас увидели’ (Kisilier 2021: 242–243)

Видно, что отпадение конечного /-u/ вызвано, прежде всего, позицией перед глаголом: в аористе глагол всегда начинается с гласного;²⁶ в презенсе, имперфекте и перфекте местоименное дополнение окажется перед вспомогательными глаголами,²⁷ которые тоже всегда начинаются с гласного (ср. 8, 21a).

Показательно, что в тех случаях, когда местоимение оказывается перед глагольной формой, начинающейся с согласного, конечный /-u/ не пропадает. Именно так происходит в (39), который можно интерпретировать не так, как это делает Лиосис, а предположить, что информант просто «проглотил» показатель сослагательного наклонения *na* перед местоимением, которое также начинается со слога *na-* (см. 39’).

- (39’) *θa=tól-oi* *[na=]namu=fá-ne*
FUT=приходить.SBJV.PFV-SBJV.3PL [SBJV=]1PL.OBL=есть.PFV.SBJV.3PL
náti
1PL.OBL
‘[они] придут, чтобы нас съесть’

²⁶ Это либо гласный основы, как в (37a, 40a), либо аугмент (ср. 7, 21b, 23, 28b, 35b, 36b, 38).

²⁷ В цаконском все указанные времена образуются только аналитически (см. также раздел. 1.1.1).

Иными словами, сделать вывод о том, что в (40а) *jut* — это слабая форма позволяет исключительно ее позиция перед личной формой глагола, в целом свойственная для цаконских местоименных клитик (см. раздел 1.1.1), хотя есть и свои исключения (см. раздел 1.2.2).

Таким образом, в цаконском диалекте в строгом понимании сильные и слабые местоимения 1 и 2 л. мн. ч. морфологически не противопоставляются. Показательно, что примеры типа (37) фиксируются еще в конце XIX в. (см. Nicholas 2022: 99), то есть раньше, чем примеры вроде (38). Этот факт позволяет в противовес мнению Лиосиса утверждать, что модель местоименного повтора *pat ... páti* или *jut ... júti* является инновацией, уподобляющей цаконский новогреческому, тогда как изначально использовалась другая модель, при которой местоимение 1, 2 л. мн. ч. дублировалось соответствующей клитикой в единственном числе. Возникла такая модель, скорее всего, исключительно из-за «дефицита инвентаря», то есть отсутствия клитики в нужном (множественном) числе.

2.1.3. Местоименный повтор дополнения и неопределенный артикль

Подводя предварительный итог стоит отметить, что местоименный повтор дополнения, правда, со своими особенностями существует во всех рассмотренных диалектах. Нельзя исключать, что на развитие данного явления могли повлиять контакты со стандартным новогреческим, а также с другими балканскими языками, в первую очередь — албанским и славянскими.

Открытым, правда, остается вопрос о функции местоименного повтора дополнения в новогреческих диалектах. Принято считать, что в стандартном новогреческом языке местоименный повтор дополнения связан с топикализацией объекта (ср. Kallulli 1999). Тем не менее, в нем возможны примеры, когда перед дублируемым дополнением вроде бы стоит неопределенный артикль (41; см. также Androutakis 2001: 89–90).

- (41) σου το πλέκω **ένα** πουλόβερ
su=to=plék-o *éna* *pulóver*
 2SG.GEN=3SG.N.NGEN=вязать.IPFV-PRS.1SG INDF.N.NGEN пуловер
 ‘вязу пуловер’ (Kazazis, Pentheroudakis 1976: 400)

При проведении настоящего исследования было принято решение проверить возможность употребления неопределенного артикля при дублируемом дополнении у носителей шести диалектов новогреческого языка (см. раздел 0.2) и информантов из Салоник, говорящих на стандартном новогреческом. Поскольку получить необходимые фразы в ходе спонтанных диалогов не удалось, информантам было предложено перевести на родной диалект/язык соответствующее предложение с новогреческого. Это позволило получить необходимые примеры на кипрском (42a) и на греческом диалекте Южной Албании из Дропула (42b).

(42) а. кипрский:

én-a pulóver plék-o=to
 INDF.NF-NGEN пуловер вязать.IPFV-PRS.1SG=3SG.N.NGEN
 ‘вяжу пуловер’

б. греческий диалект Южной Албании (Дропул):

su=to=ftán-o én-a spít-i
 2SG.GEN=3SG.N.NGEN=строить.IPFV-PRS.1SG INDF.NF-N.NGEN.SG дом-NGEN.SG
 ‘тебе строю дом’

Значение неопределенного артикля *éna* в (42) непонятно, и нельзя исключать того, что информанты просто перевели предложенные стимулы.

Носители цаконского и понтийского отказались переводить стимулы, утверждая, что подобное употребление неопределенного артикля на их диалектах невозможно. Информанты из Салоник и из Северного Хиоса также заявили о недопустимости такого рода предложений, однако предложили свои примеры, в которых *éna(n)* был не артиклем, а числительным (43).

(43) а. стандартный новогреческий (Салоники):

évav aderfó ton éxw
én-an aderf-ó ton=éx-o
 один.NF-M.ACC.SG брат-ACC.SG 3SG.M.ACC=иметь.PRS-PRS.1SG
 ‘[у меня] есть [только] один брат’

б. северохиотский:

én-an aderf-ó ton=éx-o
 один.NF-M.ACC.SG брат-ACC.SG 3SG.M.ACC=иметь.PRS-PRS.1SG
 ‘[у меня] есть один брат (и я его очень люблю)’

Возможно, и в (41), (42) *éna* следует понимать именно как числительное, и тогда складывается впечатление, что, действительно, в новогреческом языке и его диалектах местоименный повтор дополнения связан с топиком.

2.2. Порядок составляющих при местоименном повторе дополнения

Из многочисленных примеров, приведенных выше в этой статье, хорошо видно, что при местоименном повторе дополнения возможны разные порядки его составляющих. Традиционно принято выделять два варианта (ср. Borisova 2005: 6):

1. **реприза** (44a), при которой дополнение стоит перед управляющим глаголом и отделяется от него дублирующей местоименной клитикой;
2. **антиципация** (44b), когда местоименная клитика оказывается в препозиции к глаголу, а дополнение располагается после глагола.

С императивными формами (44c), правда, всегда наблюдается иной порядок (чаще всего: глагол — местоименная клитика — дополнение), но его исследователи обычно не рассматривают.

(44) стандартный новогреческий:

- a. **το βιβλίο το έχω**
to vivlí-o to=éx-o
 DEF.M.NGEN.SG книга-NGEN.SG 3SG.N.NGEN=иметь.PRS-PRS.1SG

- b. **το έχω το βιβλίο**
to=éx-o to vivlí-o
 3SG.N.NGEN=иметь.PRS-PRS.1SG DEF.M.NGEN.SG книга-NGEN.SG
 ‘[у меня] есть книга’

- c. **δός μου το βιβλίο σ’εμένα**
đós-ø=mu to vivlí-o s=eména
 давать.PFV-IMP.2SG=1SG.GEN DEF.N.NGEN.SG книга-NGEN.SG v=1SG.OBL
 ‘дай [же] мне книгу’

Впрочем, даже из немногочисленных диалектных примеров, приведенных выше (ср., напр., 35с, е, f, 42a)²⁸, видно, что есть случаи, не укладывающиеся в привычную новогреческую схему. Генеративная лингвистика предлагает другой подход к данному вопросу, предлагая различать по крайней мере три

²⁸ Здесь даже не принимаются во внимание т. н. «особые» случаи, обсуждаемые в разделе 2.1.2.

явления: **местоименный повтор дополнения**, левую **дислокацию** (Clitic Left Dislocation) и **правую дислокацию** (Clitic Right Dislocation). Обсуждению различий между этими явлениями посвящена обширная научная литература (см., напр., Philippaki-Warburton et al. 2002: 58–59; Tsakali, Anagnostopoulou 2008: 323–328; Gregoromichelaki 2013; Anagnostopoulou 2017: 4–11), в целом показывающая, что для адекватного разграничения необходимо представлять себе интонационную структуру каждого из трех явлений на конкретном материале.²⁹ Однако часто при работе с «живым», не очень хорошо описанным диалектным материалом сделать это оказывается практически невозможно, поскольку в распоряжении исследователя просто нет всего спектра данных, необходимых для проведения такого рода анализа.

По этой причине было принято решение подойти к изучению порядка составляющих при дублировании дополнения с более формальных позиций и понимать местоименный повтор дополнения максимально широко, включая сюда все случаи дублирования дополнения местоименной клитикой, если она согласуется с дополнением в роде, числе и падеже настолько, насколько это допускают морфологические особенности конкретного диалекта. Таким образом, здесь ставится задача определить, какие варианты порядка составляющих в принципе возможны в обследуемых диалектах новогреческого языка.

2.2.1. Дополнение — клитика — глагол

В цаконском (45a) и греческом диалекте Южной Албании в Дропуле (45b) примеры с порядком **дополнение — клитика — глагол** аналогичны тем, что встречаются в стандартном новогреческом (44a).

(45) а. цаконский:

<i>ton</i>	<i>ajθ-e=mi</i>	<i>ɲ=éni</i>	<i>or-ú-ø</i>
DEF.M.ACC.SG	брат-SG=POSS.1SG	3SG.OBL=BE.PRS.1SG	видеть-PTCP-M.SG
	‘брата вижу’		

²⁹ В частности, важным дифференциальным признаком служит тип/длина паузы, отделяющей дублируемое дополнение от остальной глагольной группы. Стоит отметить, что отдельные исследователи (напр., Vorisova 2005: 15–16) — и, возможно, небезосновательно — считают, что к греческой ситуации представления о левой/правой дислокации (Clitic Left/Right Dislocation) вообще плохо применимы.

b. греческий диалект Южной Албании (Дропул):

to   *xoráf-i*   *to=pótis-a*
 DEF.N.NGEN.SG   огород-NGEN.SG   3SG.N.NGEN=поливать.PFV-PST.1SG
 ‘огород [я] полил’

Нельзя исключать, что данный порядок в цаконском и греческом диалекте Южной Албании из Дропула появился под влиянием стандартного новогреческого, и в этих диалектах также можно говорить о репризе местоименного дополнения.

В кипрском ситуация принципиально иная: порядок **дополнение — клитика — глагол** вызван появлением модальной частицы *na* (46, см. также раздел 1.1.2).

(46) *to*   *vivlí-o*   *na=mu=to=ðók-is*
 DEF.N.NGEN.SG   книга-NGEN.SG   SBJV=1SG.GEN=3SG.N.NGEN=давать.PFV-PRS.2SG
 ‘дай мне книгу’

2.2.2. Клитика — глагол — дополнение

Порядок **клитика — глагол — дополнение**, соответствующий антиципации в стандартном новогреческом (44b), обнаруживается и по диалектам. В ряде случаев, например, в северохиотском (47a, ср. 35a), греческом диалекте Южной Албании в Дропуле (47b) и даже в греканико (47c) его можно в след за стандартным новогреческим трактовать как антиципацию.

(47) a. северохиотский:

ton=i-vlep-a   *ton*   *aðerf-ó=tu*
 3sg.M.ACC=PST-видеть.IPFV-PST.1SG   DEF.M.ACC.SG   брат-ACC.SG=POSS.3SG.NF
 ‘[я] видел его брата’

b. греческий диалект Южной Албании (Дропул):

to=pótis-a   *to*   *xoráf-i*
 3SG.N.NGEN=поливать.PFV-PST.1SG   DEF.N.NGEN.SG   огород-NGEN.SG
 ‘[я] полил огород’

c. греканико:

tín=e-púli-a   *tín*   *ég-a*
 3SG.F.ACC=PST-покупать.PFV-PST.1SG   DEF.F.ACC.SG   коза-ACC.SG
 ‘[я] купил козу’ (Rohlf s 1977: 189)

Вероятно, также следует понимать и цаконский пример (35b), где, несмотря на отрицание *o*, местоименная клитика оказывается в препозиции к глагольной форме (ср. раздел 1.2.2).

Совсем по-другому объясняется порядок **клитика — глагол — дополнение** в кипрском (48a) и в диалекте приазов-

ских греков (48b), где он «спровоцирован» частицей *na* (см. также раздел 1.1.2).

(48) а. кипрский:

na=mu=to=ðók-is *to* *vivlí-o*
 SBJV=1SG.GEN=3SG.N.NGEN=давать.PFV-PRS.2SG DEF.N.NGEN.SG книга-NGEN.SG
 ‘дай мне книгу’

б. диалект приазовских греков:

pót na=si=dran-ú *séna*
 когда SBJV=2SG.OBL=видеть.IPFV-PRS.1SG 2SG.OBL
 ‘когда тебя увижу?’ (Borisova 2009: 400)

2.2.3. Глагол — клитика — дополнение

Порядок **глагол — клитика — дополнение** обнаруживается в стандартном новогреческом только с императивами (44). В некоторых диалектах, где встречаются примеры с таким порядком, глагол тоже всегда стоит в императиве (49).

(49) а. цаконский:

ði-ø=mi=ni *s=enú*
 давать.SBJV.PFV-2SG=1SG.OBL=3SG.OBL в=1SG.OBL
 ‘дай [же] мне это’

б. греческий диалект Южной Албании (Дропул):

nó=mu=to *to* *vivlío*
 давать.IMP.2SG=1SG.GEN=3SG.N.NGEN DEF.N.NGEN.SG книга-NGEN.SG
 ‘дай мне книгу’

Уместно предположить, что и во всех остальных диалектах с императивными формами возможен такой порядок. Однако в северохиотском (50a), кипрском (50b) и диалекте приазовских греков (50c) порядок **глагол — клитика — дополнение** зафиксирован и с личными формами глагола.

(50) а. северохиотский:

i-vlep-a=tone *ton* *aðerf-ó=tu*
 PST-видеть.IPFV-PST.1SG=3SG.M.ACC DEF.ACC.SG брат-ACC.SG=POSS.3SG.NF
 ‘[я] видел его брата’

б. кипрский:

θor-ó=ton *ton* *Jórk-o*
 видеть.IPFV-PRS.1SG=3SG.M.ACC DEF.M.ACC.SG Йоргос-ACC
 ‘[я] вижу Йоргоса’

с. диалект приазовских греков:

sís   *meýáln-it=tun*   *atóna*
 2PL.NOM   растить.IPFV-PST.2PL=3SG.M.OBL   3SG.M.OBL
 ‘вы его вырастили’ (Borisova 2009: 400)

Вероятно, к порядку **глагол — клитика — дополнение** надо относиться как к правой дислокации (Right Dislocation), однако пока имеющиеся данные не позволяют настаивать на таком определении.

2.2.4. Дополнение — глагол — клитика

В стандартном новогреческом порядок **дополнение — глагол — клитика** допустим лишь при императиве (51), и, как кажется, крайне редок.

(51) **το βιβλίο** δώστε μου **το**
to   *vivlí-o*   *ðós-te=mu=to*
 DEF.N.NGEN.SG   книга-NGEN.SG   давать.PFV-IMP.2PL=1SG.GEN=3SG.N.NGEN
 ‘книгу дайте мне’

По-видимому, в подобных примерах между дополнением и глаголом возникает интонационная пауза, что позволяет трактовать случаи типа (51) не как местоименный повтор дополнения в узком смысле этого термина, а как левую дислокацию (Left Dislocation; ср., напр., Westbury 2016). Хотя, помимо стандартного новогреческого, пример с порядком **дополнение — глагол — клитика** при императиве удалось обнаружить только в цаконском (52), скорее всего, подобные примеры возможны во всех диалектах.

(52) **το**   *xark-í*   *ði-ø=mi=ni*
 DEF.N.NGEN.SG   книга-NGEN.SG   давать.SBJV.PFV-2SG=1SG.OBL=3SG.OBL
 ‘книгу дай мне’

В северохиотском (53a), кипрском (53b, ср. 35с, 42a), диалекте приазовских греков (53с, ср. 35e) и понтийском (53d, ср. 35f) порядок **дополнение — глагол — клитика** допустим с личными формами глагола.

(53) а. северохиотский:
τον   *aðerf-ó=tu*   *í-vlep-a=tone*
 DEF.M.ACC.ACC   брат-ACC.SG=POSS.3SG.NF   PST-видеть.IPFV-PST.1SG=3SG.M.ACC
 ‘его брата [я] вижу’

b. кипрский:

to   *Jórk-o*   *θor-ó=ton*
 DEF.M.ACC.SG   Йоргос-ACC   видеть.IPFV-PRS.1SG=3SG.M.ACC
 ‘Йоргоса [я] вижу’

c. диалект приазовских греков:

sí   *ména*   *tj^f=aγap-ás=mi*
 2SG.NOM   1SG.OBL   NEG=любить-PRS.2SG=1SG.OBL
 ‘ты меня не любишь’ (Borisova 2009: 398)

d. понтийский:

at-ín   *tín*   *γar-ín*   *elép-o=ten*
 3-SG.F.ACC   DEF.F.ACC.SG   женщина-ACC.SG   видеть.IPFV-PRS.1SG=3SG.F.ACC
 ‘эту женщину [я] вижу’

Пока неясно, следует ли такие случаи, как (53), считать не местоименным повтором дополнения, а левой дислокацией (Left Dislocation).

2.3. Местоименный повтор дополнения: подведение итогов

Анализ собранного диалектного материала позволяет сделать вывод о том, что в северохиотском, цаконском, кипрском, греческих диалектах Южной Албании (Дропул) и приазовских греков, а также в понтийском с юга России случаи дублирования местоименной клитикой дополнения следует считать синтаксическим явлением, связанным с выделением топики. Трудно однозначно решить, можно ли все такие примеры считать местоименным повтором дополнения или некоторые из них следует трактовать как левую или правую дислокацию (Clitic Left/Right Dislocation; см. разделы 2.2.3 и 2.2.4). Этот вопрос пока останется открытым, а до его окончательного решения термин ‘местоименный повтор дополнения’ может использоваться в широком смысле для всех случаев дублирования дополнения согласующейся с ним местоименной клитикой.

Как показало проведенное исследование, выделяется несколько типов местоименного повтора:

- тип А:** порядок **дополнение — клитика — глагол** возможен без «возмущающих» факторов вроде наличия модальной частицы (см. раздел 2.2.1);
- тип А₁:** порядок **дополнение — клитика — глагол** возможен исключительно при «возмущающих» факторах вроде наличия модальной частицы (см. раздел 2.2.1);
- тип Б:** порядок **клитика — глагол — дополнение** возможен без «возмущающих» факторов вроде наличия модальной частицы (см. раздел 2.2.2);
- тип Б₁:** порядок **клитика — глагол — дополнение** возможен исключительно при «возмущающих» факторах вроде наличия модальной частицы (см. раздел 2.2.2);
- тип В:** порядок **глагол — клитика — дополнение** возможен с личными формами глагола (см. раздел 2.2.3);
- тип В₁:** порядок **глагол — клитика — дополнение** возможен исключительно с глаголом в повелительном наклонении (см. раздел 2.2.3);
- тип Г:** порядок **дополнение — глагол — клитика** возможен с личными формами глагола (см. раздел 2.2.4);
- тип Г₁:** порядок **дополнение — глагол — клитика** возможен исключительно с глаголом в повелительном наклонении (см. раздел 2.2.4);
- тип Д:** порядок **клитика — глагол — клитика** (см. раздел 2.1.2).

Дистрибуция указанных типов по диалектам представлена в табл. 4.

Табл. 4. Местоименная повтор дополнения в диалектах
Table 4. Clitic Doubling in the dialects

языковой вариант	тип								
	А	А ₁	Б	Б ₁	В	В ₁	Г	Г ₁	Д
новогреческий	+	-	+	-	-	+	-	+	-
севернохиотский	-	-	+	-	+	-	+	-	-
цаконский	+	-	+	-	-	+	-	+	+
кипрский	-	+	-	+	+	-	+	-	-
Южной Албании	+	-	+	-	-	+	-	+	-
приазовских греков	-	-	-	+	+	-	+	-	+
понтийский	-	-	-	-	-	+	+	-	-

Можно предположить, что **типы А и Б** развились в диалектах под влиянием стандартного новогреческого.

3. Заключение

В рамках настоящей статьи была предпринята попытка рассмотреть две важнейшие характеристики местоименного синтаксиса: принципы, определяющие позицию местоименных клитик, и местоименный повтор дополнения. Обе они, как можно убедиться из табл. 5, тесно связаны между собой.

Во всех рассмотренных диалектах при местоименном повторе дополнения местоименная клитика ставится по тем же принципам, что и при одиночном употреблении. Единственное исключение наблюдается в цаконском: в нем отрицание *o* приводит к постпозиции местоименной клитики вне местоименного повтора дополнения (22), однако в рамках местоименного повтора дополнения местоименная клитика ставится в препозиции к управляющему глаголу, несмотря на присутствие того же отрицания (35b). Уместно предположить, что при местоименном повторе в цаконском наблюдается влияние стандартной новогреческой модели (антиципации; см. раздел 2.2.2).

Табл. 5. Позиция местоименной клитики и местоименный повтор³⁰

Table 5. Clitic position and Clitic Doubling

языковой вариант	позиция клитики	местоименный повтор
новогреческий	Cl-V	O-Cl-V, Cl-V-O
севернохиотский	любая	Cl-V-O V-Cl-O O-V-Cl
цаконский	Cl-V NEG-V-Cl	O-Cl-V NEG-Cl-V-O
кипрский	V-Cl Prt-Cl-V	V-Cl-O, O-V-Cl Prt-O-Cl-V, Prt-Cl-V-O
Южной Албании	Cl-V	O-Cl-V, Cl-V-O
приазовских греков	V-Cl Prt-Cl-V	V-Cl-O Prt-Cl-V-O
понтийский	V-Cl	O-V-Cl

Несомненно, даже отдельные аспекты местоименного синтаксиса, такие, как позиция местоименной клитики (см. раздел 1.3), порядок компонентов в цепочке клитик (см. раздел 1.4.4) и местоименный повтор дополнения (см. раздел 2.3) могут быть

³⁰ В табл. 5 не включены случаи, когда местоименная клитика зависит от императива, поскольку во всех диалектах местоименная клитика будет всегда следовать за глаголом в повелительном наклонении (см. разделы 2.2.3 и 2.2.4).

использованы для диалектной классификации. Однако более перспективным представляется сопоставление местоименного синтаксиса в разных диалектах в его совокупности с учетом всех описанных в данной статье особенностей. Наиболее удобным методом для подобного сопоставления оказывается подсчет расстояния Хэмминга между рассматриваемыми языковыми вариантами (подробнее об использовании данного метода в новогреческой диалектологии см. Kisilier, Sollicc 2023: 555–558). Расстояние Хэмминга позволяет представить степень близости языковых вариантов в области местоименного синтаксиса в виде дендрограммы (см. рис. 2).³¹

Рис. 2 демонстрирует, что в области местоименного синтаксиса ближе всего к стандартному новогреческому оказываются северохиотский и греческий диалект Южной Албании из Дропула. К этой же группе примыкает и цаконский. Другую группу диалектов составляют диалект приазовских греков и понтийский, а также примыкающий к ним кипрский.

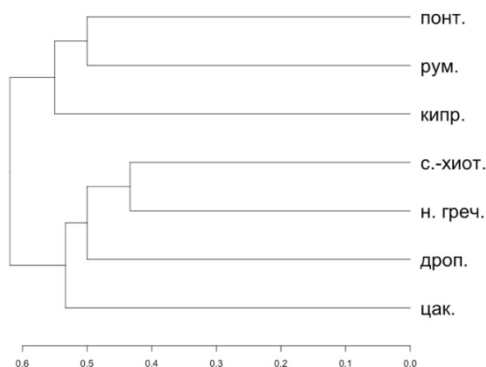

Рис. 2. Местоименный синтаксис новогреческих диалектов
Fig. 2. Pronominal syntax of Modern Greek dialects

В целом, эта схема соответствует общим представлениям и подтверждает, что «особость» цаконского изрядно преувеличена и, по крайней мере сегодня, проявляется далеко не на всех языковых уровнях. Вместе с тем получившаяся дендрограмма вызывает два существенных вопроса:

³¹ Автор благодарит Танги Соллиека за помощь в проведении подсчетов и построении дендрограммы.

1. Почему севернохиотский оказывается ближе к новогреческому, чем греческий диалект Южной Албании из Дропулла?
2. Почему диалект приазовских греков ближе к понтийскому, а не к кипрскому?

Пока эти вопросы останутся без ответов, но ответы на них помогут лучше понять устройство новогреческих диалектов и уточнить принципы диалектометрических подсчетов в будущем.

Сокращения и условные обозначения

= — показатель клитики; 1 — 1 л. у глаголов и местоимений; 2 — 2 л. у глаголов и местоимений; 3 — 1 л. у глаголов и местоимений; грек. — греканико (греческий диалект в Калабрии, Южная Италия); др.-греч. — древнегреческий язык; друп. — греческий диалект Южной Албании (Дропул); капп. — каппадокийский диалект; кипр. — кипрский диалект; лесб. — лесбосский диалект; н.-греч. — стандартный новогреческий язык; понт. — понтийский диалект; рум. — диалект приазовских греков (румейский язык); с.-хиот. — севернохиотский диалект; цак. — цаконский диалект; эрат. — северногреческий субдиалект Эратире; ACC — винительный падеж; AOR — аорист; CI — местоименная клитика; CVB — конверб (деепричастие); DAT — дательный падеж; DEF — показатель определенности (определенный артикль); GEN — родительный падеж; F — женский род; FUT — будущее время; Hom. II. — «Илиада» Гомера; IMP — повелительное наклонение; INDF — показатель неопределенности (неопределенный артикль); INF — инфинитив; IPFV — имперфектив; M — мужской род; N — средний род; N2/3 — не 2 и не 3 л. у глаголов; NEG — отрицание; NF — неженский род; NGEN — неродительный падеж; NN — несредний род; NOM — именительный падеж; O — дополнение; OBL — косвенный падеж; OPT — оптатив; PFV — перфектив; PL — множественное число; POSS — показатель possessивности (притяжательное местоимение); PRF — перфект; PRS — настоящее время; Prt — модальная частица; PST — прошедшее время; PTCP — причастие; S — подлежащее; SBJV — сослагательное наклонение; SG — единственное число; V — глагол.

Литература

- Adamou, E., Sobolev, A. N., Morozova, M. S., Rusakov, A. Y., Kisi-lier, M. L., Kozak, V. V., Ivanova, D. D., Gadjeva, S., Jovanovic, Z., Ivanova, E. Y., Sollic, T., Vardakis, G., Kharlamova, A. V., Mücke, J. 2023: *Atlas of the Balkan linguistic area online (ABLA)*. <<https://abla.cnrs.fr/dataset/serbian-tuchep/>>, accessed 15.03.2024.
- Alexander, R. 1994: The balkanization of Wackernagel's Law. *Indiana Slavic Studies* 7, 1–8.

- Anagnostopoulou, E. 2017: Clitic doubling. In: Everaert, M., van Riemsdijk, H. (eds.). *The Wiley Blackwell companion to syntax*. 2nd ed. Oxford: Wiley-Blackwell, 1–56.
- Androulakis, A. 2001: Clitics and doubling in Greek. *Reading Working Papers in Linguistics* 5, 85–111.
- Arkadiev, P. 2010: *Clitic doubling: towards a typology*. Paper presented at the workshop «Clitics and Syntactic Typology», Russian State University for the Humanities, 7.06.2010.
- Arkhangelskiy, T., Kisilier, M. 2015: *Corpus of Modern Greek*. <http://web-corpora.net/GreekCorpus/search/?interface_language=en>, accessed 01.08.2023.
- Borisova, A. B. 2005: *Mestoimennyy povtor dopolneniia: sintaksicheskii i pragmaticheskii aspekty (na materiale novogrecheskogo iazyka) [Clitic doubling: syntax and pragmatics (based on the data from Modern Greek)]*. PhD dissertation abstract. St. Petersburg: Saint Petersburg State University. Manuscript.
- Борисова, А. Б. 2005: *Местоименный повтор дополнения: синтаксический и прагматический аспекты (на материале новогреческого языка)*. Автореферат дис. ... кандидата филологических наук. СПб.: СПбГУ. На правах рукописи.
- Borisova, A. B. 2009: [Clitic doubling]. In: Kisilier, M. L. (ed.). *Linguisticheskaiia i etnokul'turnaia situatsiia v grecheskikh selakh Priazov'a. Po materialam ekspeditsii 2001–2004 godov [Language and ethno-cultural situation in Greek villages of Azov region. Field research data collected in 2001–2004]*. St. Petersburg: Aletheia, 394–402.
- Борисова, А. Б. 2009: Местоименный повтор дополнения (Гл. 13). В кн.: Кисилиер, М. Л. (ред.). *Лингвистическая и этнокультурная ситуация в греческих селах Приазовья. По материалам экспедиций 2001–2004 годов*. СПб.: Алетея, 394–402.
- Buchholz, O., Fiedler, W. 1987: *Albanische Grammatik*. Leipzig: VEB Verlag Enzyklopädie.
- Chambers, J. K., Trudgill, P. 1998: *Dialectology*. 2 ed. Cambridge; New York: Cambridge University Press. (Anderson, S. R., Bresnan, J., Comrie, B., Dressler, W. U., Ewen, C., Huddleston, R., Lass, R., Lightfoot, D., Lyons, J., Matthews, P. H., Posner, R., Romaine, S., Smith, N. V., Vincent, N. (eds.). Cambridge textbooks in linguistics).
- Chatzikyriakidis, S. 2010: Clitic climbing in Grecia Salentina Greek: A dynamic account. In: Janse, M., Joseph, B. D., Ralli, A., Karasimos, A. (eds.). *Proceedings of the 4th international conference of Modern Greek dialects and linguistic theory (MGDLT4). Chios, Greece. 11–14 June 2009*. Patras: University of Patras, 270–304.
- Chatzikyriakidis, S. 2011: *Clitics in four dialects of Modern Greek*. Thesis submitted in partial fulfillment of the requirements for the Degree of

- Doctor of Philosophy. University of London. King's College, Department of Philosophy. London.
- Comrie, B., Haspelmath, M., Bickel, B. 2015: The Leipzig glossing rules: conventions for interlinear morpheme-by-morpheme glosses. <<http://www.eva.mpg.de/lingua/resources/glossing-rules.php>>, published 31.05.2015, accessed 15.02.2023.
- Condoravdi, C., Kiparsky, P. 2002: Clitics and clause structure. *Journal of Greek Linguistics* 2, 1–39.
- Condoravdi, C., Kiparsky, P. 2004: Clitics and clause structure: The Late Medieval Greek system. *Journal of Greek Linguistics* 5, 159–180.
- Costakis, Th. P. 1987: *Leksiko tēs Tsakōnikēs dialektou* [Dictionary of the Tsakonian dialect]. Vol. III (Π–Ω). Athens: Academy of Athens.
- Κωστάκης, Θ. Π. 1987: *Λεξικό της Τσακωνικής διαλέκτου*. Τ. III (Π–Ω). Αθήνα: Ακαδημία Αθηνών.
- Dawkins, R. M. 1931: Notes on the study of the Modern Greek of Pontos. *Byzantion* 6. 1, 389–400.
- de Boel, G. 2008: The genesis of clitic doubling from Ancient to Medieval Greek. In: Kallulli, D., Tasmowski, L. (eds.). *Clitic doubling in the Balkan languages*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 89–103. (Linguistik aktuell / Linguistics today. Vol. 130).
- Drettas, G. 1997: *Aspects pontiques*. Paris: Association de recherches pluridisciplinaires.
- Dunn, G. 1989: Enclitic pronoun movement and the Ancient Greek sentence accent. *Glotta* 67, 1–19.
- Eloeva, F. A. 2004: *Pontijskiĭ dialekt v sinkhronii i diakhronii* [The Pontic dialect in synchrony and diachrony]. St. Petersburg: Saint Petersburg State University.
- Елоева, Ф. А. 2004: *Понтийский диалект в синхронии и диахронии*. СПб.: С.-Петербургский государственный университет.
- Friedman, V. A. 2008: Balkan object reduplication in areal and dialectological perspective. In: Kallulli, D., Tasmowski, L. (eds.). *Clitic doubling in the Balkan languages*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 36–63. (Linguistik aktuell / Linguistics today. Vol. 130).
- Gregoromichelaki, E. 2013: A dynamic perspective on left-right asymmetries. CLLD and Clitic doubling in Greek. In: Webelhuth, G., Sailer, M., Walker, H. (eds.). *Rightward movement in a comparative perspective*. Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 321–367. (Linguistik aktuell / Linguistics today. Vol. 200).
- Holton, D., Horrocks, G., Janssen, M., Lendari, T., Manolassou, I., Toufexis, N. 2019: *The Cambridge grammar of Medieval and Early Modern Greek*. Vol. 2: Nominal morphology. Cambridge: Cambridge University Press.

- Horrocks, G. C. 1990: Clitics in Greek: a diachronic review. In: Roussou, M., Panteli, S. (eds.). *Greek outside Greece*. Vol. 2. Athens: Diaspora Books, 35–52.
- Horrocks, G. C. 1991: [Clitic pronouns in the history of Modern Greek]. *Studies in Greek Linguistics* 11, 39–51.
- Horrocks, G. C. 1991: Οι κλιτικές αντωνυμίες στην ιστορία της Ελληνικής γλώσσας. *Μελέτες για την Ελληνική γλώσσα* 11, 39–51.
- Jaeggli, O. 1986: Three issues in the Theory of clitics: case, doubled NPs, and extraction. In: Borer, H. (ed.). *The syntax of pronominal clitics*. New York: Academic Press, 15–42.
- Janse, M. 1998: Cappadocian clitics and the syntax-morphology interface. In: Joseph, B. D., Horrocks, G. C., Philippaki-Warbuton, I. (eds.). *Themes in Greek linguistics*. Vol. II. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 257–282. (Current issues in linguistic theory. Vol. 159).
- Janse, M. 2000: Convergence and divergence in the development of the Greek and Latin clitic pronouns. In: Sornicola, R., Poppe, E., Shisha-Halevi, A. (eds.). *Stability and change of word-order patterns over time*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 231–258.
- Janse, M. 2002: Review article: Aspects of Pontic grammar. *Journal of Greek Linguistics* 3. 1, 203–231.
- Janse, M. 2008: Clitic doubling from Ancient to Asia Minor Greek. In: Kallulli, D., Tasmowski, L. (eds.). *Clitic doubling in the Balkan languages*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 165–202. (Linguistik aktuell / Linguistics today. Vol. 130).
- Joseph, B. D. 1990: The benefits of morphological classification: On some apparently problematic clitics in Modern Greek. In: Dressler, W. U., Luschützky, H. C., Pfeifer, O. E., Rennison, J. R. (eds.). *Contemporary Morphology*. Berlin: Mouton de Gruyter, 171–181.
- Joseph, B. D. 2022: What is meant by “Modern Greek dialect”? Some thoughts on terminology and glossonymy, with a glance at Tsakonian. In: Kisilier, M. (ed.). *MGDLT9. Proceedings of the 9th international conference on Modern Greek dialects and linguistic theory. Leonidio, 4–6 June 2021*. Leonidio: Tsakonian Archives, 55–71. (Ralli, A., Joseph, B. D., Janse, M. (eds.). *Modern Greek dialects and linguistic theory (MGDLT)*).
- Kallulli, D. 1999: Direct object clitic doubling in Albanian and Greek. In: Beukema, F., den Dikken, M. (eds.). *Clitic phenomena in European languages*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 209–248. (Linguistik aktuell / Linguistics today. Vol. 30).
- Kallulli, D., Tasmowski, L. 2008: Introduction. Clitic doubling, core syntax and the interfaces. In: Kallulli, D., Tasmowski, L. (eds.). *Clitic doubling in the Balkan languages*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1–32. (Linguistik aktuell / Linguistics today. Vol. 130).

- Karatsareas, P. 2011: *A study of Cappadocian Greek nominal morphology from a diachronic and dialectological perspective*. Dissertation submitted for the degree of Doctor of Philosophy. University of Cambridge. Cambridge.
- Kazasis, K., Pentheroudakis, J. 1976: Reduplication of indefinite direct objects in Albanian and Modern Greek. *Language* 52. 2, 398–403.
- Kisilier, M. L. 2009: [Word order] (Ch. 9). In: Kisilier, M. L. (ed.). *Linguisticheskaia i etnokul'turnaia situatsiia v grecheskikh selakh Priazov'a. Po materialam ekspeditsii 2001–2004 godov* [Language and ethno-cultural situation in Greek villages of Azov region. Field research data collected in 2001–2004]. St.Petersburg: Aletheia, 374–393.
- Кисилиер, М. Л. 2009: Порядок слов (Гл. 12). В кн.: Кисилиер, М. Л. (ред.). *Лингвистическая и этнокультурная ситуация в греческих селах Приазовья. По материалам экспедиций 2001–2004 годов*. СПб.: Алетейя, 374–393.
- Kisilier, M. L. 2011: *Mestoimennnye klitiki v "Luge Dukhovnom" Ioanna Moskha*. St. Petersburg: Nestor-Istoria.
- Кисилиер, М. Л. 2011: *Местоименные клитики в «Луге Духовном» Иоанна Мосха*. СПб.: Нестор-История.
- Kisilier, M. L. 2013: [Studies in Modern Greek dialects: achievements and problems]. *Voprosy Jazykoznanija* 2, 83–98.
- Кисилиер, М. Л. 2013: Новогреческая диалектология: достижения и проблемы. *Вопросы языкознания* 2, 83–98.
- Kisilier, M. L. 2016: [Tsakonian analytic forms of present and imperfect]. *Acta linguistica Petropolitana* XII. 3, 93–109.
- Кисилиер, М. Л. 2016: Аналитические формы настоящего времени и имперфекта в цаконском диалекте новогреческого языка. *Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН* XII. 3, 93–109.
- Kisilier, M. L. 2017: [Lexical peculiarities of the Tsakonian dialect of Modern Greek: preliminary observations and perspectives of study]. *Voprosy Jazykoznanija* 1, 105–136.
- Кисилиер, М. Л. 2017: Лексические особенности цаконского диалекта новогреческого языка: Предварительные наблюдения и перспективы исследования. *Вопросы языкознания* 1, 105–136.
- Kisilier, M. L. 2021: Reconstructing past coexistence: Problems and mysteries in the multilingual history of Tsakonia, Greece. In: Sobolev, A. N. (ed.). *Between separation and symbiosis. South Eastern European languages and cultures in contact*. Boston; Berlin: De Gruyter Mouton, 215–263. (Matras, Y. (ed.). *Language contact and bilingualism* [LCB]. Vol. 20).
- Kisilier, M. 2022a: Contact phenomena in Azov Greek. *Languages* 7. 3. DOI: <https://doi.org/10.3390/languages7030174>.
- Kisilier, M. L. 2022b: [Once again about Ancient Greek and Modern Greek, or do Greeks Remember Ancient Greek themselves?]. In: Kisilier, M. L. (ed.). *Verus Convictor, Verus Academicus*. In

- Honour of the 70th Anniversary of Nikolay N. Kazansky*. St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies, 351–370.
- Кисилиер, М. Л. 2022b: Еще раз о древнегреческом и новогреческом или помнят ли древнегреческий сами греки? В сб.: Кисилиер, М. Л. (ред.). *Verus convictor, verus academicus. K 70-летию Николая Николаевича Казанского*. СПб.: ИЛИ РАН, 351–370.
- Kisilier, M. 2022c: Pontic project: theoretical problems and modern technologies. In: Kisilier, M. (ed.). *MGDLT9. Proceedings of the 9th international conference on Modern Greek dialects and linguistic theory. Leonidio, 4–6 June 2021*. Leonidio: Tsakonian Archives, 73–84. (Ralli, A., Joseph, B. D., Janse, M. (eds.). *Modern Greek dialects and linguistic theory (MGDLT)*).
- Kisilier, M. 2023: Once again about archaisms in Modern Greek dialects. *Philologia Classica* 18. 2, 339–359.
- Kisilier, M., Mertyris, D. 2018: [About the genitive in Tsakonian]. *Tsakonian Chronicles* 23. 2/2, 219–242.
- Kisilier, M., Μερτύρης, Δ. 2018: Περί της γενικής στα Τσακόνικα ουσιαστικά. *Χρονικά των Τσακόνων* ΚΓ'. 2/2, 219–242.
- Kisilier, M. L., Sollic, T. 2023: [Studies in Modern Greek dialects and dialectometry]. *Indoeuropeiskoe jazykoznanie i klassicheskaia filologija [Indo-European Linguistics and Classical Philology]* XXVII. 1, 538–568.
- Кисилиер, М. Л., Соллиек, Т. 2023: Новогреческая диалектология и диалектометрия. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* XXVII. 1, 538–568.
- Kontosopoulos, N. G. 2001: *Dialektoi kai idiomata tes neas ellinikēs [Dialects and idioms of Modern Greek]*. Athens: Grigoris Publishers.
- Κοντοσόπουλος, Ν. Γ. 2001: *Διάλεκτοι και ιδιώματα της νέας ελληνικής*. Αθήνα: Εκδόσεις Γρηγόρη.
- Koryakov, Y. B. 2017: [Language vs. dialect: a lexicostatistic approach]. *Voprosy Jazykoznanija* 6, 79–101.
- Коряков, Ю. Б. 2017: Проблема «язык или диалект» и попытка лексикостатистического подхода. *Вопросы языкознания* 6, 79–101.
- Liosis, N. 2017: Auxiliary verb constructions and clitic placement. Evidence from Tsakonian. *Journal of Greek Linguistics* 17, 37–72.
- Lopashov, Yu. A. 1978: *Mestoimennye povtory dopolneniia v balkanskikh jazykakh [Clitic doubling in the Balkan languages]*. Lenindrad: Nauka.
- Лопашов, Ю. А. 1978: *Местоименные повторы дополнения в балканских языках*. Л.: Наука.
- Lopashov, Yu. A. 2006: [About an Albanian feature in a Northern Greek dialect]. In: Rusakov, A. Yu. (ed.). *Problemy balkanskoj filologii [Problems of Balkan Philology]*. Selected articles. St. Petersburg: Nauka, 161–163.

- Лопашов, Ю. А. 2006: Об одном албанизме в северногреческом говоре. В сб.: Русаков, А. Ю. (ред.). *Проблемы балканской филологии*. Сборник статей. СПб.: Наука, 161–163.
- Mackridge, P. H. 1991: The Pontic dialect: a corrupt version of Ancient Greek? *Journal of Refugee Studies* 4, 4, 335–339.
- Mackridge, P. H. 1993: An editorial problem in Medieval Greek texts: the position of the object clitic pronoun in the Escorial “Digenes Acrites”. In: Panagiotakis, N. (ed.). *Arkhes tēs Neoellēnikēs logotekhnias [Principles of Modern Greek literature]. Proceedings of the 2nd international conference “Neograeca medii aevi”*. Offprint from the vol. 1. Venice: Crete University Press, 325–342.
- Mackridge, P. H. 1993: An editorial problem in Medieval Greek texts: the position of the object clitic pronoun in the Escorial “Digenes Acrites”. In: Παναγιωτάκης Ν. (επιμ.). *Αρχές της Νεοελληνικής λογοτεχνίας. Πρακτικά του δεύτερου διεθνούς συνεδρίου “Neograeca medii aevi”*. Άνάτοπο από τὸν Α΄ τόμο. Βενετία: Πανεπιστημιακές εκδόσεις Κρήτης, 325–342.
- Mackridge, P. H. 1996: The Medieval Greek infinitive in the light of modern dialectal evidence. In: Costantinides, C. N., Panagiotakis, N., Jeffreys, E. M., Angelou, A. D. (eds.). *Φιλέλλην. Studies in Honour of Robert Browning*. Venice: Istituto Ellenico, 191–204. (Istituto Ellenico di Studi Bizantini e Postbizantini di Venezia. Bibliothek. Vol. 17).
- Mertyris, D. 2014: *The loss of the genitive in Greek. A diachronic and dialectological analysis*. Doctorate of Philosophy. Dissertation submitted in total fulfillment for the degree of Doctorate of Philosophy. La Trobe, Linguistic program. Melbourne.
- Mertyris, D., Kisilier, M. 2017: [Genitive in the dialect of Mariupol: perseverance and loss]. *Studies in Greek Linguistics* 37, 465–476.
- Μερτύρης, Δ., Κισιλιέρ, Μ. 2017: Η γενική στη μαριουπολίτικη διάλεκτο: διατήρηση και απώλεια. *Μελέτες για την Ελληνική γλώσσα* 37, 465–476.
- Miseška Tomić, O. 2008: An integrated areal-typological approach. Local convergence of morphosyntactic features in the Balkan Sprachbund. In: Muysken, P. (ed.). *From linguistic areas to areal linguistics*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 181–219. (Abraham, W., Noonan, M. (eds.). *Studies in Language Companion Series*. Vol. 90).
- Nicholas, N. 2022: The shift from enclisis to proclisis in older Tsakonian. In: Kisilier, M. (ed.). *MGDLT9. Proceedings of the 9th international conference on Modern Greek dialects and linguistic theory. Leonidio, 4–6 June 2021*. Leonidio: Tsakonian Archives, 85–109. (Ralli, A., Joseph, B. D., Janse, M. (eds.). *Modern Greek dialects and linguistic theory (MGDLT)*).
- Oikonomidis, D. I. 1958: *Grammatikē tēs Ellēnikēs dialektou tou Pontou [Grammar of the Greek dialect of Pontos]*. Athens: Academy of Athens. (Lexicographic bulletin. Supplement 1).

- Oikonomίδης, Δ. Ή. 1958: *Γραμματική τῆς Ἑλληνικῆς διαλέκτου τοῦ Πόντου*. Ἐν Ἀθήναις: Ἀκαδημία Ἀθηνῶν. (Λεξικογραφικὸν δελτίον. Παράρτημα 1).
- Palladio. 1985: *La storia Lausiaca*. Introduzione di Ch. Mohrmann. Testo critico e commento a cura di G. J. M. Bartelink. Traduzione di M. Barchiesi. Milano: Fondazione Lorenzo Valla.
- Pappas, P. A. 2001: *Weak object pronoun placement in Later Medieval and Early Modern Greek*. Doctoral dissertation. The Ohio State University, Ohio.
- Pappas, P. A. 2004: *Variation and morphosyntactic change in Greek. from clitics to affixes*. Hampshire, New York: Palgrave MacMillan.
- Pavlidou, Th.-S. 2011: *The corpus of spoken greek*. <<http://corpus-ins.lit.auth.gr/corpus/index.html>>, accessed 08.02.2023.
- Pescarini, D. 2021: *Romance object clitics: microvariation and linguistic change*. Oxford: Oxford University Press. (Oxford studies in diachronic and historical linguistics).
- Philippaki-Warburton, I. 1985: Word order in Modern Greek. *Transactions of the philological society* 83. 1, 113–143.
- Philippaki-Warburton, I., Varlokosta, S., Georgiafentis, M., Kotzoglou, G. 2002: On the status of ‘clitics’ and their ‘doubles’ in Greek. *Reading Working Papers in Linguistics* 6, 57–84.
- Ralli, A. 2006: Syntactic and morphosyntactic dialectal phenomena in Modern Greek: the state of the art. *Journal of Greek Linguistics* 7, 121–159.
- Revithiadou, A., Spyropoulos, V. 2008: Greek object clitic pronouns: A typological survey of their grammatical properties. *STUF (Sprachtypologie und Universalienforschung) — Language typology and universals* 61. 1, 39–53.
- Rohlfs, G. 1977: *Grammatica storica dei dialetti italogreci (Calabria, Salento)*. Trad. S. Sicuro. Nuova edizione interamente rielaborata ed aggiornata. München: C. H. Bech’sche Verlagsbuchhandlung.
- Rollo, A. 1989: L’uso dell’enclisi nel Greco Volgare dal XII al XVII secolo e la legge Tobler-Mussafia. *Italoellinikà* 2, 135–146.
- Sandfeld, K. 1930: *Linguistique balkanique. Problèmes et résultats*. Paris: Librairie ancienne honoré Champion. (Collection linguistique publiée par la Société Linguistique de Paris. T. XXXI).
- Sitaridou, I. 2014: The Romeyka infinitive: continuity, contact and change in the Hellenic varieties of Pontus. *Diachronica* 31. 1, 23–73.
- Sobolev, A. N.: 2011: [Antibalkanisms]. *Južnoslovenski filolog* LXVII, 185–195.
- Соболев, А. Н. 2011: Антибалканизмы. *Јужнословенски филолог* LXVII, 185–195.
- Spiro A. 2015: The Modern Greek dialects of Albania — A general description and classification. In: Babanov, A., Bogdanova-Begtaryan, N., Bugaeva, L., Virolaynen, M., Zakharov, V., Med, N., Menshikova, Y., Monakhov, S., Sobolev, A., Shamina, E.,

- Khohlova, M. (eds.). 43rd *Philological conference, St. Petersburg. 11–16 March 2014. Selected articles*. St. Petersburg: St. Petersburg State University, 396–417.
- Striano Corrochano, A. 1989: *El dialecto laconio. Gramática y estudio dialectal*. Universidad Autónoma de Madrid, Departamento de Filología Clásica. Facultad de Filosofía y Letras. Madrid.
- Thavoris, A. I. 1977: [Morphological peculiarities of several idioms in Western Macedonia]. In: *1st symposium for Northern Greek linguistics*. Thessaloniki: Society for Macedonian Studies, 75–95.
- Θαβωρής, Α. Ι. 1977: Μορφολογικά μερικών ιδιωμάτων της δυτικής Μακεδονίας. Στο: *Α' Συμπόσιο Γλωσσολογίας του Βορειοελλαδικού χώρου, 28–30 Απριλίου 1976*. Θεσσαλονίκη: Εταιρεία Μακεδονικών Σπουδών, 75–95.
- Tsakali, V., Anagnostopoulou, E. 2008: Rethinking the clitic doubling parameter. The inverse correlation between clitic doubling and participle agreement. In: Kallulli, D., Tasmowski, L. (eds.). *Clitic doubling in the Balkan languages*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 321–357. (Linguistik aktuell / Linguistics today. Vol. 130).
- Van Rooy, R. 2020: *Language or dialect? The history of a conceptual pair*. Oxford: Oxford University Press.
- Westbury, J. 2016: Left Dislocation: a typological overview. *Stellenbosch Papers in Linguistics Plus* 50, 21–45.
- Zaliznyak, A. A. 2004: “*Slovo o polku Igoreve*”. *Vzgljad lingvистa* [“*The Lay of the Warfare waged by Igor*”. *A linguist's view*]. Moscow: LRC Publishing.
- Зализняк, А. А. 2004: «Слово о полку Игореве». *Взгляд лингвиста*. М.: Языки славянской культуры.
- Zimmerling, A. V. 2016: [Linear-accent grammars andthetic sentences in Russian]. In: Zimmerling, A. V., Lyutikova, E. A. (eds.). *Arkhitektura klauzy v parametriceskikh modeliakh: sintaksis, informatsionnaia struktura, porjadok slov* [Clause architecture in the parametric models: syntax, information structure, word order]. Moscow: LRC Publishing, 76–103. (Studia Philologica).
- Циммерлинг, А. В. 2016: Линейно-акцентная грамматика и коммуникативно нерасчлененные предложения в русском языке. В сб.: Циммерлинг, А. В., Лютикова, Е. А. (ред.). *Архитектура клаузы в параметрических моделях: синтаксис, информационная структура, порядок слов*. М.: Языки славянской культуры, 76–103. (Studia Philologica).